

Мария
Галина

Красные волки,
красные гуси

От
финалиста
премии
«Большая книга»
2009

Мария Галина

Красные волки, красные гуси (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=278962
Красные волки, красные гуси: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39250-6*

Аннотация

Новый сборник финалиста премии «Большая книга – 2009» Марии Галиной – это путешествие в тонкие миры, существующие бок о бок с нашим. Они, как дольки диковинной луковицы, вырастают один в другой. Они невероятно реальны и необычны одновременно.

Вот мир зеленых людей с Марса, способных сбить с идеологической линии яростного атеиста-большевика. А это мир добрых фей – железнодорожных смотрителей, регулирующих движение земных поездов. А следом за ним мир Красной утки, сокровищница орнитолога, – там живет жестокий егерь с молодой женой, а жена у него не простая и даже не человек, хоть и кажется им...

Давно не было писателя, умеющего пробудить во взрослом – подростка, в разуверившемся – зажечь душевную искру,

уставшему – вернуть силы и самообладание перед лицом испытаний и возможных неудач.

Галина – тот редкий и уникальный автор, который прямо сейчас умеет вести разговор с читателем на той, уже почти забытой волне, на которой в детстве говорили с нами любимые книги.

Содержание

Сержант Ее Величества	5
Заплывая за буйки	25
Спруты	80
И все деревья в садах...	89
Контрабандисты	124
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Мария Галина

Красные волки, красные гуси (сборник)

Сержант Ее Величества

– Вы верите в духов, мистер Мемпес?

Едкий запах антисептика не мог перебить вони человеческих испражнений. Больные бредили и метались; по векам и приоткрытым ртам ползали мухи, сотни зеленых мух...

Это ад, – подумал Мортимер Мемпес, – и я тоже наверняка заболею. Как только он не боится?

Он захлопнул блокнот и засунул его в планшетку.

– Местные колдуны, – нерешительно начал он.

– Они понимают в этом толк, верно, – главный врач вытирал руки клочком полотна, – мне рассказывали совершенно удивительные истории. Но я говорю не о них. Я говорю о старых добрых английских духах. Пойдемте, коллега, подышим воздухом.

Воздух? Само небо здесь металлически отблескивало. Точь-в-точь жестяная крыша госпиталя. И духота стояла точно такая же. За дальним холмом в обложивших горизонт розоватых тучах что-то сверкало. Молния. Или гелиограф.

Или то и другое.

– Зулусские колдуны умеют поднимать мертвых, – продолжил доктор, – но, заметьте, это просто оживление тела, не духа. Как... гальванизация. Они просто поддерживают в телах подобие жизни. Их мертвые ходят и исполняют приказания хозяина. Но не разговаривают. А я хочу услышать.

Мемпес вновь извлек блокнот. Оперев планшетку о колено, он быстро набрасывал профиль собеседника.

– Я полагал, автор знаменитого Шерлока Холмса должен обладать рациональным складом ума.

Доктор Дойл усмехнулся в усы:

– Заметьте, вы сказали «автор знаменитого Холмса», а не «знаменитый автор Холмса». Нет-нет, я не в обиде. Старина до сих пор неплохо меня обеспечивает. Так вот, господин журналист, рациональный склад ума – это именно то, чего не хватало спиритам. Любое явление должно поддаваться научной проверке. И если удастся доказать, заметьте, по всем правилам науки, опытным путем доказать, что ТАМ что-то есть, то...

– Вера и знание, – сказал Мемпес, – две противоположные вещи. По определению, как говорят математики. Дав людям знание, не лишите ли вы их веры?

– Это устаревший подход. На деле вы вовсе не знаете, что Земля вращается вокруг Солнца, – вы же видите обратное. Вы просто верите людям, специалистам, которые утверждают, что это именно так. Вот так и здесь. Наука еще скажет

свое слово, уверяю вас. Поймите же, в наш рациональный век одной надежды людям мало. Люди, дорогой мой друг, идут на смерть, как эти вот бедняги. – Он кивнул крутым подбородком в сторону госпиталя, – неужели их близким, да и им самим повредит толика уверенности, что жизнь не кончается здесь, в вонючем бараке? Это не последняя война, уверяю вас. И пускай инженеры изобретают все новые средства истребления; матери, провожающие сыновей, будут провожать их без слез, потому что...

– Благая весть?

– Да, если хотите.

– Не слишком ли вы много на себя берете, доктор Дойл?

– Я только посредник, друг мой. Медиум, скажем так.

Доктор Дойл вдохнул широкой грудью насыщенный электричеством воздух.

– Будет гроза? – с надеждой спросил Мортимер.

– К сожалению. Они тут затяжные. Дороги превращаются в жидкую грязь. В сущности, в жидкую грязь превращается все...

– Ну почему, – рубанул воздух ладонью Дойл, – ну почему они не отбили эту водокачку сразу?! Пять тысяч человек, пять тысяч здоровых молодых людей; и все лежат здесь...

За баракom, переоборудованным под полевой госпиталь, простирались ряды низких бугорков. Над бугорками кружились мухи.

На дальних холмах один за другим вспыхивали гелиогра-

фы.

* * *

– Вот, – сказал Дойл, – этот человек. Перкинс. Сержант Ее Величества.

Перкинс, – подумал Мортимер, – все равно что Аткинс.

Коек здесь было куда меньше, чем больных, и Перкинс лежал в проходе на носилках. Губы его сплошь покрывала сухая растрескавшаяся корка. Глаза под сморщенными веками ушли глубоко в глазницы.

– Надеюсь, его зовут не Томми...

Дойл остро взглянул на него:

– Его зовут Джон, Джон Перкинс. И он умирает.

Надо же, – вяло подумал Мортимер. Тысячи мух жужжали, казалось, внутри черепной коробки. – Я должен ему сострадать, но не могу... Какая же я свинья. Наверное, это потому, что их тут слишком много. Нельзя сострадать всем. На это способны только святые. Может, он и вправду святой, наш доктор Дойл?

– Он умирает спокойно, – тем временем говорил Дойл, – потому что знает; дух не умрет вместе с телом. Для него это – аксиома.

– Вот как...

– Он побывал дома. У него домик в Суррее. Жена. Двое детей. Младший еще совсем маленький. Две недели назад

заболел ветрянкой. Но сейчас пошел на поправку. Жар спал. Он вошел и присел у его кровати. Было раннее утро. Жена проснулась и окликнула его: «Джон». Она решила, что он вернулся... ну, во плоти. Говорить он с ней не мог, поэтому приложил палец к губам, улыбнулся и вышел.

– Она поймет... – прошептал умирающий.

Дойл положил широкую ладонь ему на лоб.

– Она... – Джон Перкинс хватал воздух спекшимся ртом.

– Дайте мне ваш блокнот! – требовательно сказал Дойл.

– Что...

– Блокнот, черт побери!

– Вы хотите записывать? – удивленно проговорил Мортимер. – В такую минуту?

Выхватив у него блокнот, Дойл равномерно махал им перед лицом умирающего, отгоняя мух.

– Что смерти нет, – пробормотал Джон Перкинс.

– Я... простите, – сказал Мортимер.

– Скажите им, доктор, скажите, что... Дух вечен... – запавшие веки дрогнули и сомкнулись навсегда.

– Вот, – устало сказал Дойл, – возьмите.

Мортимер дрожащими пальцами заталкивал блокнот в планшетку.

– Не думаю, что цензура позволит мне опубликовать все это.

За стеной барака раздался долгий раскат грома, и где-то далеко ему ответили орудия.

– Они пошли на приступ, – сказал доктор Дойл, – быть может, они все же возьмут эту чертову водокачку.

* * *

– Спасибо, что вытащили меня сюда, доктор Дойл, – сказал Мортимер.

Под низким летним небом болота Дартмура казались безобидными; на кочках верещали кузнечики, меж сухих пучков травы сновали камышовки. Разогретая трава пахла скорее приятно. Лишь иногда под затянутой обманчивой зеленой поверхностью вспухали и лопались вонючие черные пузыри.

– Иногда мне кажется, – Дойл ощупывал тростью на вид безобидную кочку, – есть такие места... словно бы некие ворота... Вот и здесь, все эти истории о Черной Собаке... Я, кстати, думаю написать роман. О проклятии рода, страшной тайне и огромной собаке. И объяснение, заметьте, должно быть самым что ни на есть естественным. В детективе обращаться к сверхъестественному – дурной тон.

– Рад это слышать, – кисло сказал Мортимер, – кстати, в Суррее тоже рассказывают о большом черном животном с горящими глазами. Только они называют ее «суррейской пумой», знаете?

– А! – Голос Дойла оживился. – Так вы все-таки были в Суррее?

Мортимер молча пожал плечами.

– Я так и думал, что и вам не чужда тяга к неизведанному.

Ну, и?

– Передал его вещи. Рассказал, что был при последних минутах.

Он помолчал.

– Маленький домик, очень бедный. Очень чистый. В центре комнаты половицы истерты меньше, чем у порога. Таким, знаете, квадратом.

– Там лежал ковер, – сказал Дойл уверенно. – Вероятно, афганский. Он участвовал в афганской кампании, сержант Перкинс.

– Да, ковер продали. Они бедствуют, Дойл. Учитывая, что война с бурами сейчас непопулярна...

– Я пишу книгу, которая должна переломить общественное мнение, – сухо сказал Дойл. – Продолжайте.

– Ну, я дал им денег. Она отказывалась, но дети... Милая маленькая женщина, очень усталая. Нанимается прачкой в соседнее поместье. Красные распухшие руки... Когда я отдал ей его трубку и кисет, она улыбалась.

– Вот как?

– Я сказал, что он помнил о них до последнего мига. Она спокойно сказала: «Я знаю. Он был тут, мистер Мемпес». Тогда, зимой, она проснулась словно бы от чьего-то присутствия. И увидела Джона. Он сидел у кровати малыша и смотрел на него. Тот как раз выздоравливал после ветрянки,

потому спал крепко и даже не проснулся.

Он выразительно посмотрел на Дойла.

– Я так и знал, – прошептал тот.

– Он улыбнулся ей и кивнул, – продолжал Мортимер, – и выглядел совершенно как обычно, только был очень бледный. Это странно, да, доктор? Ведь когда мы его видели, он выглядел вовсе не как обычно. Он выглядел чертовски плохо.

– Астральное тело далеко не всегда уподобляется физическому, – нетерпеливо проговорил Дойл.

– Да-да, я тоже читал этого чудака Крукса.

– Он не чужак, – твердо сказал Дойл. – Он ученый. Ученый-естественник.

– Да... ну вот, она хотела броситься к нему и обнять, она решила, что он просто вернулся домой, вы понимаете. Но не могла встать с постели. Словно окаменела, говорит она, и пока она пыталась пошевелиться, он приложил палец к губам и скользнул за дверь. «Как тень», – говорит она. Тут ее отпустило, она накинула платок и выбежала, но там никого не было. Такой, знаете, предрассветный мрак.

– Знаю.

– Я вам не верил, доктор Дойл. Но это...

– Это все время существует рядом с нами, – задумчиво сказал Дойл. Из-под его крепких башмаков во все стороны порскали кузнечики. – Мы просто не хотим этого видеть.

– Доктор, – нерешительно произнес Мортимер. – Я знаю,

вы... порвали со своими католическими родственниками. И повсюду говорили, что религия... ну, приносит одни лишь раздоры. Но вера содержит в себе опыт веков, а здесь... стоит ли, отказавшись от одной религии, создавать другую?

На горизонте в колеблющемся мареве сверкнула вспышка. Гелиограф, – подумал он машинально, потом, услышав глухой удар, решил: – Нет, все-таки гроза. Или нет... неужели?

– Вроде бы пушка стреляла?

– Спиритизм, друг мой, а вернее, спиритология, – это не религия, – отрезал Дойл. – Это наука. А что до пушки... Там, на скале, Принстаунская тюрьма. Верно, опять убежал какой-нибудь каторжник. Ничего. – Он любовно похлопал по палке с тяжелым набалдашником в виде оскаленной собачьей головы. – Мы сумеем постоять за себя, верно?

* * *

– Мне это не нравится, Артур. Ты же знаешь!

– Дорогая, – мягко ответил Дойл. – это необходимо.

– И эта женщина мне не нравится, – упорствовала Джин.

– А вот твой брат думает иначе.

– Малькольм, – снисходительно произнесла Джин, – не разбирается в женщинах.

– Сестры всегда так говорят. Ты просто ревнуешь. – Он поцеловал ее в висок. – Как вы себя чувствуете, Мортимер?

Журналист осторожно, боком спускался по лестнице.

– Сегодня болит сильнее, доктор Дойл.

– Так и должно быть. Это от упражнений. По крайней мере, колено, я вижу, начало сгибаться.

– Ну...

– Вы еще поиграете в крикет, друг мой.

– Я не хочу играть в крикет. А, вот и Лили. Здравствуйте, мисс Лодер-Саймонс.

Лили Лодер-Саймонс, высокая, светловолосая, с подвижными нервными руками, вошла в гостиную, быстро прикрыв за собой дверь.

– Я готова, доктор Дойл, – сказала она, не ответив на приветствие. Казалось, она вообще не заметила Мемпеса.

Далеко на континенте, под Ипром, лицом к лицу сходились армии.

* * *

Окна гостиной были плотно зашторены; в темном небе над темной землей, над старой доброй Англией медленно плыл начиненный, точно гигантская рыба – икрой, смертоносными бомбами шестисотфутовый цеппелин...

Одинокая свеча горела посреди стола.

– Мне нужна бумага, – сказала Лили, – много бумаги.

– Это же дом писателя. – Дойл улыбнулся.

– Тогда...

Она закрыла глаза и замолчала. Дойл вновь услышал грохот пушек за проливом; он звучал, как отдаленный гром.

Джин нетерпеливо пошевелилась:

– Я не...

– Тсс!..

Руки Лили Лодер-Саймонс двигались сами по себе.

– Кто здесь? – спросила она низким голосом.

– Бумагу, – прошипел Дойл, – подсуньте же ей бумагу...

– Это...

– Смотри-смотри...

– Кто здесь? Что ты хочешь сказать?

Язычок свечи пластался и плясал, и пальцы яростно царапали бумагу, прорывая ее насквозь.

– Назови первую букву твоего имени. Имя!

Рука отбросила бумагу и схватила следующий листок.

– «Я», – прочитал Дойл. – «Яков»? Нет...

Он подобрал второй листок.

– Я Малк... ска... скажи Джин... я...

– Нет! – отчаянно завизжала Джин, заткнув уши и зажмурившись. – Нет! Она врет! Все врет!

– Убит, – гласил следующий листок.

Мортимер осторожно поддержал миссис Дойл под локоть.

– Пойдемте, сударыня.

Белая рука продолжала писать. Слепые глаза неподвижно усталились на пламя свечи, и оно трепетало под этим взглядом.

– Атака... захле... Со... Сомма... Скажи Артуру.

– Что? – Лист бумаги трепетал в руках у доктора, точно белая ночная бабочка – Что ты хочешь мне сказать? Малькольм? Малькольм, это ты?

– Сомма, – крупными буквами было выведено на бумаге.

Рука продолжала скользить по последнему уцелевшему листку все тише, тише...

– Я дал ей камфарные капли, – сказал Мортимер, появившись в дверях, но она...

Лили приходила в себя. Она несколько раз моргнула, увлажняя пересохшие глазные яблоки.

– Получилось?

– Да, Лили. – Рука Дойла разглаживала последний лист бумаги. – Получилось. Но...

– Что? – Бледная худая рука вцепилась в его запястье. – Что, мистер Дойл? Где Джин?

– Когда вы последний раз получали письмо от Малькольма?

– Три дня назад. Они стояли под Ипром. Что?

Она в упор посмотрела на него. В расширенных глазах отражалось пламя свечи.

– Малькольм? Нет!

– Похоже на то, мисс Лодер-Саймонс. Если только...

– Если?

– Если вашим посланиям можно верить.

Она покачала белокурой развившейся прической.

– Не моим, доктор. Их посланиям. О да, им можно верить. Малькольм, боже мой, Малькольм...

Она провела рукой по глазам и неверной походкой направилась в ту сторону, куда ушла Джин.

– Они были помолвлены. Она и он, – грустно заметил Дойл. – Но я не понял. Сомма... передай Артуру... что? Если бы я мог...

Из дверей доносились сдавленные рыдания.

– Джин плачет, – тихо напомнил Мемпес.

– Да, но ведь... Мертвые живут. То есть... он говорил с нами!

– Вы уверены, сэр? Это было так... невятно.

– Проклятье! – Дойл сердито стукнул могучим кулаком по столу. – Послания приходят, но такие запутанные. У Лили тоже погиб брат, вы знаете? Слово тысячи их толпятся у двери, пытаясь пробиться к родным и близким! Вот если бы я мог получить окончательное, достоверное подтверждение.

В соседней комнате на диване, обнявшись, рыдали женщины.

– Мне бы не помешала выпивка, – сказал Мортимер.

* * *

– Все верно. – Дойл болтал в чашке серебряной ложечкой, размешивая сахарин. – Сомма... Рыбаки на побережье уверяют, что слышат грохот канонады там, за проливом.

– Иллюзия, – жалобно сказала Джин. – Они просто напрягают слух, слушают, слушают...

– И рано или поздно начинают слышать. А это значит – самое время для сеанса. Позови секретаря, дорогая. Я напишу Лили. И скажи горничной, пусть приготовит ей комнату.

– Нет! – Джин вскочила, отбросив стул. – Нет, Артур...

– Но, дорогая, – мягко сказал Дойл, – это же элементарный эгоизм. Женские страхи. Ты представляешь, как важно для тысяч людей узнать...

– Я ничего больше не хочу знать. – Она зажала уши руками и топнула ногой. – Я не позволю... Это словно... словно один зовет за собой другого! Сначала Малькольм. Потом Дик... Потом... кто еще, Артур? Этот милый молодой человек, муж твоей сестры? Все, кого мы любим! Все. Словно чья-то рука шарит в толпе и выхватывает их по одному... Артур, а ведь там еще Иннес! И Кингсли!

Дойл расстегнул воротник.

– Под Ипром, – сказал он самым рассудительным голосом, – погибли тысячи. Тысячи гибнут на Сомме. Это просто... статистика.

– Я не хочу такой статистики! Я не хочу!

– То, что я делаю, – это для них. Для погибших. Для их близких.

– Это не для них, Артур. Это для кого-то другого. Ты делаешь все это для кого-то другого.

– Ты просто напугана. И расстроена. Добрый день, Дже-

реми.

– Добрый день, мистер Холмс, – сказал почтальон. – То есть я хотел сказать, доктор Дойл. Сегодня много писем.

– Вот видишь! Это от тех, кто... от тех, кто потерял близких на этой войне. Миссис Лорри из Гемпшира. Фермер из Суррея. Кстати, Мортимер сейчас там, ты знаешь? Поехал навестить эту несчастную семью. Они пишут, что теперь, когда знают, что смерти нет, что их близкие с ними...

– А это что за письмо, Артур? – странным голосом спросила Джин. – Нет, погоди, не открывай, оно мне не нравится. Дай, я...

– Ну что...

Ножичек с костяной ручкой упал на скатерть. Следом за ним на стол спорхнуло письмо.

– Иннес, – прошептал доктор Дойл побелевшими губами.

– Я же говорила, Артур. Я же говорила.

– Но он же... демобилизован по здоровью.

– Война везде, доктор Дойл, – виновато сказал почтальон. – Она настигает их, даже когда они далеко.

Дойл встал и застегнул жилет.

– Джереми, – сказал он очень спокойно, – погоди, я сейчас напишу письмо мисс Лили. Сегодня вечером будет сеанс.

– Доктор Дойл, – нерешительно прошептал почтальон. – Я думал, вы знаете. Мисс Лодер-Саймонс... в утренних газетах...

– Что?

– Она умерла, доктор Дойл. Такая молодая. Такая красивая...

* * *

– Вы правы, сэр Редьярд. Прогресс, вот что мы им несем. Вот именно, прогресс. Мы пришли в Индию и расправились с чертовыми тугами. Индусы благодарили нас со слезами на глазах. В Конго мы уничтожили этих их ужасных колдунов.

– Насчет Конго, мистер Мемпес, я бы не стал говорить с такой уверенностью. То, что там творили бельгийцы... Естественно, туземцы стали искать защиты у местных шаманов. Знаете, там с белыми людьми порой случались странные вещи.

В пабе на Флит-стрит былолюдно, полутемно и душно. Мортимеру казалось, что самый воздух мерцает у него перед глазами: свет-тьма, тьма-свет...

– Зло нельзя истребить совсем, мистер Мемпес. Оно просто принимает иные формы. Взять, к примеру, ту же Преторию, мы воевали с бурами, буры с нами. Но ведь были еще зулусы. И вот они-то воевали со всеми. В конце концов, это их земля. Я слышал историю про какого-то сержанта, Хопкинса, кажется... ну, просто сержант Ее Величества. Он застрелил зулуса просто так, на глазах у всей деревни. Жара, понимаете. Все из-за жары. И тогда местный колдун... они как-то связываются между собой, эти колдуны, неведомым

нам способом.

– Как гелиограф?

– Да. Что-то вроде гелиографа. Наверное. Так вот, сперва начинают стучать барабаны. Их даже не слышно – артиллерия бьет громче. Но они стучат. Стучат. Долго. Ночь за ночью. И в конце концов...

– Что? – прошептал Мортимер.

– Приходят земляные духи.

– Демоны? – Мортимер помахал рукой, подзывая бармена.

– Нет, просто духи. Бесформенные тупые духи. Они питаются астральными телами, понимаете? Астральными телами умерших. Они занимают астральное тело, пока физическое тело еще теплое. Прихватывают обрывки памяти, сны, мечты. И они умеют плодиться, мистер Мемпес. Они идут по путеводной нити любви, идут и находят близких покойного. И занимают их астральные тела. И так дальше, дальше, пока нить не оборвется. Этот сержант вскоре погиб, конечно. Кажется, от тифа. Там разразилась эпидемия тифа, в Претории. И я вот думаю, не умер ли кто из его родни, – здесь, на Острове. Готов поставить свои часы против этой вашей трости.

– Хопкинс? – медленно спросил Мортимер. – Не Перкинс?

– Точно. Перкинс. Вы его знали?

– Знал. Еще стаканчик? Да, у него была семья. Решил навестить их пару недель назад. Они жили в Суррее. Дом стоял

пустым. Заброшенным. Думал, они уехали. В местном пабе сказали, она в Бродмуре. Ну, в лечебнице. Задушила детей. Сказала, отец их позвал. Сказала, там им будет хорошо. Лучше, чем здесь. Когда их выносили, она улыбалась.

Свет-тьма, свет-тьма. Рои зеленых мух. Отгоняя их, он помахал рукой перед глазами.

– Жаль, что вы не стали биться об заклад. Мне нравится ваша трость. Эта, с собачьей головой.

– Ее я не стал бы ставить, – замотал головой Мортимер. – Мне ее доктор Дойл подарил.

– А, так вы знакомы с Дойлом? Замечательный человек. Странно, что он увлекся спиритизмом, он всегда казался образцом здравого смысла.

– Благая весть, – прошептал Мортимер.

Он встал из-за стола и нахлобучил на голову котелок.

– Они нас ненавидят, да? – прошептал он. – Все они. Ту-ги, конголезские колдуны, зулусы. И вот начинают стучать барабаны... ночь за ночью. И тогда приходят земляные духи. Боже мой, чем больше смертей, тем больше астральных тел... еще теплых... и они еще помнят, да? И зовут, зовут... роятся... Это конец белой расы, сэр Редьярд, говорю вам, это конец белой расы!

– Вам надо меньше пить, друг мой, – заметил сэр Редьярд. – Вы слишком впечатлительны.

– Перемирие! – Прилично одетая, степенная дама кружилась в холле гостиницы, держа по «Юнион Джеку» в каждой руке. – Перемирие! Больше не будет смертей! Никогда! Никогда! Не будет резни! И мой мальчик вернется домой! Перемирие!

Автомобиль с шофером ждал у входа.

– Как ты можешь читать эту лекцию, Артур, – спросила Джин, – сейчас, когда Кингсли...

– Мой сын бы меня понял. – Доктор Дойл взял ее под руку. – Ведь столько людей будут оплакивать сейчас своих погибших. Я призван утешить их. Он бы понял.

Они прошли мимо с поклоном отворившего им дверь швейцара.

– Благослови вас Бог, доктор, – сказал швейцар им вслед.

Они медленно катили по Лондону, ветер развеивал волосы Джин, такие светлые, что седина казалась почти незаметной.

– Я не хотел тебе говорить, – Дойл обнял ее за плечи, – но теперь, наверное, можно. Я нашел очень сильного медиума. Очень сильного, почти как Лили. И вчера... Я сказал тебе, что иду в клуб, но я был на сеансе. И мы говорили... Малькольм был там. Он сказал... сказал... помнишь, ты провожала меня в Америку? Мы тогда таились от всех. И вы с Малькольмом спустились в каюту, а я был на палубе с Кингсли

и бедняжкой Туи, и ты... поставила цветы на столик, и поцеловала подушку с двух сторон, чтобы я спал среди твоих поцелуев. Это правда, дорогая?

– Да, – прошептала Джин. В ее глазах стояли слезы. – Да...

Над головой торжественно сияло небо. Толпы народа стояли вдоль обочины, приветствуя его, доктора Дойла, человека, принесшего Благоую Весть, зримые и незримые, и все были здесь – и Малькольм, и Дик, и Иннес, и Кингсли, и Лили Лодер-Саймонс улыбалась мягкой улыбкой, прижимая к вискам тонкие руки...

– Если бы они знали, – доктор Дойл окинул взглядом толпу, – если бы они только знали!

(Для написания этого рассказа использована биография Конан Дойла *Джона Диксона Карра*.)

Заплывая за буйки

Никогда не думал, что в такой конторе будет такой стол. Обшарпанный, из ДСП. И что в коридоре будет висеть стенгазета «Навстречу съезду».

Наверное, их этому специально учат, такой особой утомленности во взгляде. Им с нами скучно, они про нас все знают. Неужели и правда знают?

Фамилия его была Иванов – они все Ивановы, такая порода. А если не Ивановы, то Петровы.

– Караванов Альберт Викторович, – скучно сказал он, глядя в какие-то бумажки.

Я молча кивнул. В горле пересохло.

– Студент калининского пединститута. Исторический факультет.

– Ага.

– На данный момент в академотпуске.

– Ага.

– Посещали семинар профессора Литвинова.

Я думаю, Литвинов виноват. Он же знал, что могут быть неприятности. И не только у него. Говорят, он просто хотел подгадить ректору, которого терпеть не мог. Вот и подгадил.

– К нам приехали месяц назад. Проживаете у тетки по матери, Валентины Перепеличко. Временно прописаны.

– Ну, да...

Зачем это ему? Неужели знает?

– Почему не встали на учет?

– В военкомат? Я не... у меня справка.

– В районный диспансер.

– Я... встану.

Я так и думал! Значит, когда я говорил родителям, что за мной следят, что в очереди, в автобусе, на перекрестке мне попадаются одни и те же лица, что встреченные скашивают глаза, увидев меня, и поспешно отворачиваются...

«Типичный бред преследования», – сказал румяный доброжелательный врач, бывший одноклассник дяди Миши, приглашенный как бы попить чаю. И тут же увел с собой.

– Временно работаете библиотекарем...

– Да. Я...

– Районная библиотека. Приморский район.

– Да, но это...

– К вам часто заходит некто Покровский.

– К нам много кто заходит, – сказал я и вытер ладони о штаны.

Их интересую не я. Их интересуется Покровский.

– Вы же взрослый человек, Альберт Викторович, – укоризненно произнес майор Иванов, – не надо притворяться дурачком.

(Я и есть дурачок. То есть психически больной. У меня есть выписка из истории болезни. Он сказал это нарочно. С намеком, что он-то знает...)

– Что он за человек?

– Культурный. Берет все больше классику. Книги сдает вовремя.

– Вы что, в вашей библиотеке газет не читаете? Сейчас очень осложнилась международная обстановка. Я бы даже сказал, обострилась. Я ожидал от вас большей сознательности, Альберт Викторович.

Он хочет, чтобы я сказал что-то про этого Покровского. Тогда он от меня отстанет. Или не отстанет?

– Я... правда не знаю. Чего вы от меня хотите?

– Познакомьтесь с ним поближе. Подружитесь с ним. Он очень приятный, образованный человек. Любит поговорить, поделиться своими мыслями.

– И?

– Что – и? У вас появится друг. У вас же здесь нет друзей, Альберт Викторович. У вас и раньше не было друзей.

Я не понимаю: он хочет, чтобы я следил за этим Покровским? Втерся к нему в доверие? Он намекает на то, что меня все ненавидят? Говорят, если человек переезжает куда-то, даже временно, как я, за ним следует его дело, папка с завязками, а там все – с самого детства, и все, что ты сделал, и отметки, и отношения в школе, и всякие случаи, и медицинская карта, и даже то, чего ты сам не знаешь. А вдруг этот разговор о Покровском – просто отвлекающий маневр, чтобы я расслабился и потерял бдительность? Я подумал, что мне надо торопиться. Вдруг мне все же удастся перехитрить

их? И я сказал:

– Хорошо, я обязательно постараюсь познакомиться с Покровским получше.

– Я знал, что вы меня поймете, – сказал майор Иванов.

* * *

В детстве, начитавшись Кусто, я мечтал стать исследователем моря, плавать в прозрачной, пронизанной солнцем воде, а потом написать про все это замечательную книгу.

Нереально. Пока нереально, во всяком случае. Да и для акваланга требуется разрешение, которого у меня нет.

Подъем с моря крутой, бетонные ступени лестницы растрескались и перекошились. Это из-за оползней – после дождя пласты глины отваливаются, словно ломти хлеба под ножом.

Икроножные мышцы ноют скорее приятно, с чувством выполненного долга. Сегодня я проплыл четыре каэм. От пирса до пирса двести метров, десять раз туда, десять обратно. Мимо обросших скользкой зеленью бетонных блоков, поросших острыми зубками мидий, оттолкнуться, развернуться – вот откуда у меня столько порезов на ладонях и ступнях – и вновь по мутной воде, в которой солнце вычерчивает огненные нули и восьмерки. Когда я засыпаю, они пляшут перед глазами.

У рынка в трамвай набиваются тяжелые тетки с кошелка-

ми, из которых торчат пучки зеленого лука.

– Уродины сходят? – деловито спрашивает женщина за моей спиной, и я с миг мучительно соображаю, на что это она намекает, но тут же понимаю, что речь идет о кинотеатре «Родина» – самом большом в городе, на целых три зала, с облупившимися колоннами, подпирающими фронтоны.

– Я выхожу, – отвечаю я и чувствую, что горячая волна заливает лоб. Может, она нарочно так сказала, чтобы посмеяться?

Уже когда подходил к парадному, вспомнил, что обещал тете Вале купить хлеб и еще чего-нибудь к чаю, но, когда полез в карман, оказалось, что денег там нет. Вытащили. Скорее всего, в трамвае – или еще там, на пляже, пока я плавал от пирса до пирса. От унижения и злости у меня слезы на глазах выступили. Странно, что такое возможно в городе у моря.

Тетке я сказал, что забыл деньги дома, а то она вновь завелась бы. Я и такой, и такой. И не от мира сего, и непрактичный, и бедные мои родители. Мне кажется, она радуется, когда ее первоначальное впечатление на мой счет подтверждается. А так она только обозвала меня профессором, и все. Деньги я взял из заначки – скоро они мне понадобятся, но послезавтра получка, я возьму. По телевизору шла какая-то чушь, но тетка не выключала, потому что через полчаса должен был начаться музыкальный конкурс «Алло, мы ищем таланты!».

У витрины булочной я остановился. Сделал вид, что развязался шнурок у кеда. Улица была пуста. Подозрительно. Обычно в это время на ней еще много народу. Это что-то значит? Или нет?

* * *

По формуляру он был Борис Борисович. Борис Борисович Покровский, тридцать девятого года рождения, инженер, СКБ «Вымпел». Разрабатывает что-то секретное? А потом переправляет здесь своему связному? Я проглядел формуляр. Он таки брал однажды Юлиана Семенова, но больше классику. Нашу и переводную. Сейчас на руках у него была «Война и мир», а «Страдания юного Вертера» он вернул.

Я осмотрел синий томик. За корешок переплета вполне можно было запихнуть сложенные чертежи. Но сейчас там было пусто. На внутренней стороне обложки был приклеен бумажный кармашек. Кроме карточки в кармашке ничего не было, а на самой карточке против одной-единственной фамилии стояла одна-единственная подпись. Разумеется, самого Покровского. Книгу после него никто не брал. Если честно, ее и до него никто не брал, кому он нужен, этот Вертер?

Тут возможны два варианта. Либо его связник работает здесь же, в библиотеке, – моя напарница Вероника Ефимовна, например. Нет, это смешно. Значит, уборщица, или полотер, или электрик – кто угодно. Но не может быть, чтобы

они не предусмотрели такую возможность. Либо связь еще не осуществилась, и послание еще не прочитано. Так? Я пролистал книгу. Даже проглядел страницы на просвет. Может, он наколол буквы иглой? Карандашных пометок тоже нет. Впрочем, нет, в одном-единственном месте на полях помечен один абзац. Карандашом. Что-то про то, как Шарлотта намазывала масло на хлеб. Ну и что? При чем тут Шарлотта? Может быть, это какой-то шифр? Если взять, скажем, эту книгу, а потом «Мертвые души» и еще что он там брал, и сложить отчеркнутые фрагменты (а я был почему-то уверен, что они там найдутся), то получится – что? Я уже отправился было за «Мертвыми душами», но тут пришли две школьницы – им нужна была «Поднятая целина». И пожилая дама, которой понадобился роман Апдайка «Беги, кролик, беги!». «Кролик» был на руках, поэтому она попросила подобрать ей что-то в этом роде... Пока я подыскивал что-то «в этом роде», солнце ушло за две сросшиеся акации, свет из зеленого стал красным, и я понял, что пора закрываться. И ведь, в конце концов, то, что делает этот Покровский, меня не касается, верно? С чего это я решил им помогать? Пускай разбираются сами.

Снаружи доносился гулкий монотонный звук, словно кто-то протяжно и страшно кричал: «Бутыыылку! бутыылку!» Я почти научился не обращать на него внимания.

Я валялся на диване и читал «Вокруг света», и в какой-то момент меня начало клонить в сон — последнее время я засыпал легко и без всяких таблеток, но пришлось проснуться, оттого что тетка трясла меня за плечо.

— Опять! — жалобно сказала она. — Ты только послушай!

Я сел и прислушался. За окном мелко и сухо шелестела акация. Звенел на повороте трамвай. Тетка стояла, прижав руки к груди, байковый халат вылинял на животе, опухшие щиколотки нависают над шлепанцами.

— Они опять ее включили! Слышишь, пол дрожит?

Соседи за стеной были тихие приличные люди, он — бухгалтер на кондитерской фабрике имени Розы Люксембург, она — сестра-хозяйка в санатории «Красные зори». Но тетка полагает, что у них есть кладовка, замаскированная висятицей на стене ковром, и в этой тайной кладовке стоит машина, которая облучает всех секретным излучением. Поэтому тетка слышит голоса. Пока что эти голоса говорят ей обидные, но неопасные вещи, но я боюсь, в один прекрасный (это я фигурально выражаюсь) день голоса скажут ей что-то такое, что она пойдет на кухню и возьмет там хлебный нож, который регулярно носит к точильщику, время от времени навещающемуся в наш двор...

Добрый румяный врач, бывший одноклассник дяди Ми-

ши, расспрашивал маму и папу обо всех родственниках, но тогда никто еще не знал про машину, которая облучает тетьку Валю. Просто удивлялись, с чего бы это вдруг она поменяла хорошую двухкомнатную квартиру в центре на эту, у базара? А оказывается, там за стеной тоже стояла машина. На какое-то время тете Вале удалось от нее избавиться, но потом ее секретно перевезли сюда.

– Ничего там нет, тетя Валя, – сказал я как можно убедительней.

– Ты нарочно это говоришь?

– Это трамвай. Слышите, он проехал?

Она ушла, покачивая головой и что-то бормоча себе под нос. Я вновь открыл «Вокруг света», но сосредоточиться уже не мог – в голову лезли всякие глупости. Поэтому я встал и крикнул тетке в кухню:

– Я пойду прогуляюсь, тетя!

– Ночью? – в ужасе спросила тетка.

Еще девяти не было; с теткиной точки зрения – глубокая ночь.

– Я ненадолго. Чтобы заснуть.

Это ей как раз понятно. Она сама мучается бессонницей.

– И зайди к ним. Как бы попроси соли. Может, им станет стыдно, наконец? – говорит она мне вслед.

Я думаю, если мне завязать глаза и несколько раз повернуть, взяв за плечи, как поворачивают человека, играющего в жмурки, то я все равно безошибочно определю, в какой стороне море...

Листья акации над головой мелко тряслись сами по себе. На канализационном люке сидела, посверкивая глазами, кошка.

И вновь это ощущение, что кто-то смотрит мне в затылок. Я обернулся – никого.

Зато увидел вывеску, она горела малиновым светом, тень дерева рассекала ее надвое.

Сонная аптекарша за прилавком читала «Роман-газету». Днем, когда у прилавка толпился народ, я не решался. Неловко.

Сейчас, оказывается, тоже неловко. Я прокашлялся:

– Мне это... Ну, изделие. Номер...

Я понял, что забыл номер.

– Презервативы ему нужны, – сказал кто-то звонким голосом.

Я покраснел и кивнул. Девушка стояла рядом, кофточка с золотой нитью облегает грудь, юбка туго натянута на ягодицах.

– Четыре копейки в кассу. – Аптекарша стала выбираться

из-за прилавка.

– Мне много надо, – прошептал я.

– Сколько?

– Ну... пять.

Это много? Или нормально? Что они подумают? Заподозрят неладное?

– Двадцать копеек в кассу, – флегматично сказала аптекарша.

* * *

– Меня зовут Лиля, – сказала она.

Под фонарем листва казалась жестяной, в конусе света клубилась мошकारа. Воздух был жарким и тяжелым, мне казалось, я плыву, раздвигая его плечами.

– Алик, – хрипло сказал я.

– У вас есть девушка, Алик?

– Нет... я недавно приехал... я...

– Зачем же тебе презервативы, Алик?

Я шепотом сказал:

– На всякий случай.

Лилия. Влажное имя. Как волна.

Она нагнулась, поправляя ремешок босоножки, подол ее юбки при этом слегка задрался. Я отвел глаза.

– И не было девушки? Совсем-совсем?

– Нет, почему. Была. Три года назад. Еще на первом курсе.

– Так давно? – удивилась она. – Почему?

Потому что там, где я провел полгода, кормят бромом. И еще много чем.

Этого я ей не сказал.

Она придвинулась ко мне ближе. Я чувствовал жар, исходящий от нее даже сквозь одежду – ее и мою.

– Пойдем, студентик, – прошептала она мне на ухо, – пойдем вон туда, я тебе кое-что покажу...

– А что там?

– Беседка. Ну, такая, знаешь, беседка. У тебя ведь есть все, что нужно, да? Ну так пошли...

Она нарочно оказалась в той аптеке? За мной следят? Может, их там целая банда? Вот так ловят на живца, уводят в укромное место, а потом... Я же ее совсем не знаю...

– Ну? – она нетерпеливо пританцовывала на ходу. Рука у нее была горячая и влажная.

– Лиля! – раздалось из темноты. – Лилька!

Они со смехом вынырнули из боковой аллеи, несколько парней, девушки, светлые платья и рубахи светились в темноте.

– Ой! – обрадовалась она. – Это Жорик. Вот здорово! А вы куда?

– На Морвокзал, – сказал солидный Жорик. – Там у них бармен новый. Идешь? И этот с тобой?

– Это... как тебя зовут? – обернулась она ко мне.

Она уже забыла.

– Альберт, – сказал я.

– А это Алик. Точно. Пошли с нами, Алик?

– Нет, – сказал я сухо, – извините, нет.

– Ему домой надо. В кроватку. Да, Алик?

Я молчал.

– Да ты не грусти. Увидимся.

Она легко чмокнула меня в щеку, обдав запахом сладких духов. Я смотрел, как они, смеясь, уходят в темноту, по перечеркивающим дорожку полосатым теням... Я ненавидел себя. Пять, – думал я. – Пять километров. Без всяких скидок. Вот тебе, вот тебе, вот тебе...

* * *

Он пришел в четверг, под конец дня. Наверное, заехал с работы, под мышкой у него был портфель без ручки. Еще у него были носки в полосочку и дырчатые сандалеты. Брюки чуть коротковаты, словно он из них вырос.

Он торопливо поздоровался. Не потому, что был невежливым, просто спешил: через полчаса мы закрывались, и уборщица тетя Зина уже начала возить шваброй по линолеуму. И попросил... «Страдания юного Вертера».

Может быть, думал, что связник ему что-то там оставил?

Но когда я вынес синий томик, не столько затрепанный, сколько полинявший от времени, он разочарованно сказал:

– А другого издания у вас нету?

– С картинками, что ли? – не удержался я.

– Нет, просто другого... год, издательство...

– У нас и этого-то никто не берет, – сказал я честно. –

Зачем нам два Вертера?

– Ну да, у вас, наверное, все больше фантастику просят.

Мы подписались на такую красно-белую серию, где печатали наших и не наших фантастов, и два тома – Саймака и Стругацких – у нас уже заиграли.

– Да, – сказал я. – Классику сейчас вообще мало кто берет. Только ученики и учителя.

Обычно я не слишком-то стремлюсь разговаривать с посетителями, но тут мне стало интересно. Зачем это он им понадобился? И что они такое делают в своем КБ, что он брюки себе новые не может купить, а продает шпионам государственные тайны?

– Вот вы вообще что кончали? – спросил он строго. – Библиотечный техникум?

– Три курса истфака, – сказал я.

– Ну, тогда вы должны понимать. Будущее – это то, чего нет. Вообще нет. Понимаете? Какое придумаете, такое и будет. Их тысячи, миллионы, этих будущих. А прошлое – одно-единственное. Оно требует к себе уважения.

– Поэтому вы и предпочитаете классику?

– Да. Возможно.

– Книжки врут, – сказал я неожиданно для себя. – Даже хроники. Летописи. Написал что-то один-единственный чело-

век, а мы ему верим. А может, он это по заданию партии и правительства писал?

– Или сам добросовестно заблуждался, да? – улыбнулся он. Зубы у него были слишком белые и ровные – наверняка искусственные.

Мне нужна хотя бы пара недель. А там пусть делают, что хотят.

– Вы правы, – сказал он задумчиво. – Это действительно нельзя проверить. Но ведь не в этом дело! Для нескольких поколений то, что написал хронист, и есть самая настоящая правда. Возьмем, например, «Слово о полку Игореве»...

– Подделка, – решительно сказал я. – Это кто-то из мусин-пушкинского круга, скорее всего, с благоволения и ведома самой Екатерины. Текстовый анализ доказывает...

– А его в школе учат, – печально проговорил он.

– Ну, вреда от этого нет. Кто-то прочтет и начнет интересоваться историей. К тому же его на цитаты растащили. Мыслью растекаешься и все такое... Я думаю, тут дело в созвучии – растекаешься – каша... То есть размазывать кашу по столу... А «мысль» на самом деле – мысь, белка. То есть белкой скача по дереву, сизым орлом под облаком... зооморфный ряд метафор.

– То есть, – уточнил он, – «Слово» вошло в культурный контекст примерно как «Горе от ума»?

– Ну да...

– Так какая разница, кто его написал? И зачем? Несколько

поколений знают, что Игорь собрал дружину и сказал ей «лучше ж потяту быти, неже полонену быти», а в это время потемнело солнце... Даже пытаются вычислить, когда это конкретно случилось – привязать к какому-то определенному полному солнечному затмению. Слушают оперу «Князь Игорь», сочиняют стихи про Ярославну, как она плачет на городской стене...

– Даже песня такая есть – «Как зовут тебя? Ярославна! Ярославна моя, стой!»». Хотя это на самом деле не имя, а отчество, – вставил я.

– Ну, да... Звали ее, кажется, Евдокия, но про это поэты не пишут. Слишком неромантическое имя. Оно встроено в другой культурный контекст. Дуня, Дуся – по созвучию с «дурой». Простолюдинка. Пустите Дуньку в Европу, и все такое...

Тетя Зина начала с намеком шаркать у него под ногами шваброй, и он спохватился. Я тоже спохватился – свет на корешках из розового стал красным.

– А нельзя посидеть в читальном зале? – спросил он.

– Сегодня уже не выйдет. Тетя Зина очень сердится, если я задерживаюсь. Тогда и ей приходится задерживаться, а у нее внуки.

– Завтра? – задумчиво спросил он. – Я могу разве что с утра...

– Мы открываемся в десять.

– Да, но мне на работу... Вы не могли бы... в порядке

одолжения... на полчаса раньше...

Значит, тренировку придется сократить.

Тетя Зина у нас подобно капитану – покидает корабль последней. Иначе я бы все время психовал: закрыл ли окно? выключил ли свет? повернул ли ключ в замке?

Две сросшиеся акации отбрасывали совокупную длинную тень. За углом звенел трамвай. Кто-то в кронах старательно выводил «буутыылку... буутылкуу!».

– Ну ладно, – сказал он, – до завтра.

Он уже повернулся со своим портфельчиком, когда я окликнул его:

– Пойдите! Кто это так кричит? Сова?

– Что вы! – удивился он. – Это горлица. Кольчатая горлица.

И вдруг шепотом добавил:

– Вы знаете, мне кажется, что я сумасшедший!

Я ошеломленно застыл, но он уже повернулся и, смешно подпрыгивая, побежал к остановке...

* * *

Я говорил себе, что вовсе не хочу ее видеть. Совсем наоборот, я вышел, чтобы прогуляться перед сном, успокоиться... Но ноги сами вынесли меня под малиновую вывеску. Сейчас на дверях висела табличка «Закрыто на учет». Ниже синим восковым карандашом приписано: «Фимочка, за-

ходи».

Жестяными голосами орали цикады.

Я их ненавидел.

Чем все кончилось, думал я, темной захлавленной квартирой около базара? Ковриком с оленями? Кислым клоповым запахом? Пыльными формулярами, клеенными корешками никому не нужных книг? Я же был уверен, всегда уверен, что мне уготована иная, яркая, замечательная жизнь! Это у них, у них у всех будет все как обычно, потому что они сами этого хотят. Потому что они этого заслуживают. Тогда как у меня...

Ничего, утешал я себя, стиснув зубы, это ненадолго. Теперь ненадолго.

И тогда я увидел ее – белая блузка светилась в темноте, вывеска отбрасывала на белые руки, на лицо рубиновые пятна света.

Она шла под руку с каким-то моряком и смеялась.

Я отступил в тень, потом несколько раз глубоко вздохнул и вышел им навстречу.

Они шли, не замечая меня. Просто попытались обогнуть, как огибают неодушевленный предмет вроде тумбы с афишами.

В горле у меня пересохло.

– Лиля, – выдавил я.

– Чего тебе, мальчик? – равнодушно спросила она.

– Я подумал... мы можем...

– Отвали, пацан, – сказал моряк.

– Но я только...

Я отведу тебя к морю, хотел сказать я, я покажу тебе, какое оно, ты, наверное, и не подозреваешь, оно спит и дышит, и топит в себе звезды, а песок по утрам голубоватый, пустой и холодный, и на нем, знаешь, такие следы, отпечатки крыльев, перьев, крестообразных лап, я думаю, это вороны, они купаются в песке, как мы – в волнах... Я отведу тебя на берег и расскажу свою самую большую тайну.

Моряк легонько толкнул меня раскрытой ладонью. Он даже не размахнулся, просто толкнул, но я отлетел на несколько шагов. Дыхание у меня перехватило, на глазах выступили слезы – скорее от обиды.

– Оставь его, – заступилась Лиля, – это же просто мальчик. Ты же видишь...

– Я таких мальчиков... – сквозь зубы сказал моряк.

Ударить его в ответ? Или просто подойти, отодвинуть плечом, взять Лилю за руку и сказать: «Пойдем»? В общем, сделать то, за что женщина уважает мужчину. Но вместо этого я отвернулся и побрел вдоль трамвайной колеи, я думал, они будут смеяться мне вслед, но они даже этого не сделали, просто пошли дальше, и я слышал, как моряк что-то рассказывает, а Лиля ойкает, поощряя его...

Я шел, и рельсы расплывались в моих глазах.

Он пришел ровно в девять, когда я отпирал железную дверь библиотеки. От травы тянуло сыростью, и растрескавшаяся асфальтовая дорожка вся была пересечена блестящими слизистыми следами улиток. Он шел, глядя себе под ноги, чтобы не наступать на этих улиток. Потом увидел меня, остановился у подножия лестницы и поднял голову.

– А я уж пожалел, что просил вас, – сказал он. – Кому охота вставать на час раньше из-за постороннего человека:

– Я вообще рано встаю.

Обычно в это время я выхожу из моря – оно теплее, чем воздух, и похоже на жидкое полупрозрачное стекло. Ладно уж.

Читальный зал (на самом деле светлая, в три окна, но небольшая комната с двумя столами) был, понятное дело, пуст. На полках громоздились подшивки местного «Знамени коммунизма» и центральных газет, журналы «Огонек» и «Наука и религия». Отдыхающие их любили – там часто рассказывалось про всякие чудеса, а потом ученые авторитетно объясняли, почему эти чудеса невозможны. Объяснений отдыхающие не читали. На стене висел плакат Гражданской обороны – про действия в очаге ядерного поражения.

– Я принес с собой книгу. – Он вытащил из портфеля зеленый томик. – Это моя книга, я взял ее из дома. «Война и

мир», собрание сочинений в четырнадцать томах. Том шестой. Тысяча девятьсот пятьдесят первый год. Вас еще тогда и на свете не было.

– Я не знаю, – сказал я, – по-моему, сюда нельзя приносить свои книги.

– Выносить нельзя, – возразил он. – Из читального зала. А насчет приносить ничего не сказано.

Я пожал плечами:

– Работайте.

Интересно, что он будет с ней делать?

– Погодите, – сказал он, поскольку я уже направился в абонементный зал, – у вас есть «Война и мир»?

– Да. Какой вам том?

– Тот же самый, – сказал он.

Он говорил, он сумасшедший. Тогда я думал, он шутит. Или намекает. Нет, откуда ему знать? Разве что... этот майор Иванов просто хотел меня проверить на лояльность – соглашусь ли я сотрудничать? На всякий случай я сказал:

– Вам привет от Иванова.

– От кого? – рассеянно удивился он. Он продолжал листать свою «Войну и мир». Искал что-то. Нашел, заложил страницу пальцем и задумался.

– Извините, – сказал я, – наверное, перепутал.

– Так у вас есть «Война и мир»? – переспросил он и жалобно добавил: – Пожалуйста! Я специально отпрашивался на утро!

– Я посмотрю. Если старшеклассники не забрали.

Старшеклассники не забрали. Я выложил перед ним зеленый томик, точно такой, как у него. Формуляр я вынул, а книгу отдал ему. И сел за соседний стол.

Все равно до десяти библиотека формально не работает.

Он покосился на меня, но ничего не сказал. А что он мог сказать: «Пожалуйста, выйдите»? Поколебался, раскрыл вторую книжку и стал сличать. Потом поднял голову и посмотрел на меня. Глаза у него были несчастные.

– Вот, – сказал он.

– Какая-нибудь ошибка? Типографский брак?

Вряд ли он собирался подменить книгу. На семнадцатой странице всегда стоит библиотечный штамп, это все знают, это легко проверить.

– Вот, – сказал он, – читайте!

– Я ее уже читал, – осторожно сказал я, – спасибо.

– Нет, читайте вот здесь!

– «С того дня, во время всего дальнейшего путешествия Ростовых...» – Я вопросительно поднял голову.

– Да-да...

– «...Наташа не отходила от раненого Болконского, и доктор должен был признаться, что он не ожидал от девицы ни такой твердости, ни такого искусства ходить за раненым», – читал я, стараясь угодить сумасшедшему. – Ну и что?

– А теперь здесь! – И он пододвинул мне точно такую же книгу, раскрытую на той же, триста девяносто пятой страни-

це.

– «Наташа...» – начал я, внутренне ужасаясь абсурдности ситуации...

– Дальше, дальше! – сказал он нетерпеливо.

– «...так и оставалась в неведении касательно личности их раненого спутника, тогда как Соня...»

– Вот оно!

– «...не отходила от бедного Болконского, и доктор должен был признаться, что он не ожидал от девицы ни такой твердости, ни такого искусства ходить за раненым». Это какой-то розыгрыш?

– Если бы, – горько сказал он, – в этом экземпляре Соня ходит за Болконским, и он, оценив ее преданность, делает ей предложение, а потом умирает у нее на руках, тогда как Наташа до самого конца так и не догадывается, что это за офицер едет с ними... Соня же посвящает всю свою жизнь его памяти и первая отказывает Николаю, так что тот без угрызений совести делает предложение княжне Марье, а Соня уходит в монастырь, и там... Совсем другая история, вы понимаете?

– Наборщик решил пошутить.

– В пятьдесят первом-то году?

– Ну, – я заколебался, – свихнулся. Экземпляры изъяли, но один случайно остался.

– В самом деле? – горько спросил он. – А в «Вертере» эта классическая сцена с бутербродами? В библиотеке есть

экземпляр, если вы его откроете...

Я его уже открывал, но не сказал ему об этом.

– Обратите внимание, какой хлеб она нарезает.

– Какое это имеет значение?

– Вы понимаете. – Он отложил книгу и загрустил. – Я люблю классику. Всегда любил. Именно за то, что она неизменна. Вы молодой человек, вам трудно понять... Вот, скажем, «Молодую гвардию» Фадеев переписал, поскольку в первом варианте была плохо отражена линия партии. И в принципе должно существовать две «Молодые гвардии» – в одной линия партии отражена, в другой – нет, и молодогвардейцы действовали совершенно одни, без помощи, без поддержки, без партийного руководства... Просто мальчики и девочки, которых затянуло под колеса войны, понимаете?

Он все-таки провокатор, подумал я, его нарочно ко мне подослали. Господи, ну что им от меня надо?

– А классику изменить нельзя. Вы же не поручите Толстому переписать «Войну и мир», чтобы он лучше отразил роль народа? Чтобы мужики не угрожали княжне Марье тупым бунтом, а разъяснили бы ей губительную сущность крепостничества... Ее можно только запретить, но не больше.

– Ну и что? – Я специально говорил сухо, чтобы он понял: не на того напал. Пускай забирает свою по спецзаказу сварганенную книжонку и валит отсюда. Но он не собирался уходить. Наоборот, уселся поудобнее и вытянул ноги в старомодных дырчатых сандалетах.

– Я много переезжал, – сказал он задумчиво, – работа такая, и, конечно, книги – не тот багаж, который легко таскать за собой. Потом, везде есть библиотеки, а классику, как вы сами говорите, берут мало. За ней не надо стоять в очереди. Так что я почти не покупаю книжек. Но Толстой у меня свой. И Чехов. И Достоевский. И вот я захотел перечитать «Войну и мир» – все-таки замечательная вещь.

– Я ее не люблю. Сплошное моралите...

– Это потому, что вам ее в школе навязывали. Очень мудрая книга. Но, знаете, когда я открыл ее, я вдруг начал сомневаться. Я забыл, что случилось с Андреем Болконским. Он умер от ранения, да, но когда? И как?

– Все помнят, что случилось с Андреем Болконским, – сухо сказал я, – это как раз в школе проходят. Наташа ухаживала за ним преданно и самоотверженно, и он...

– Ну, вот видите. А я вдруг начал сомневаться. И когда открыл книгу и прочел... Оказывается, это была не Наташа, а Соня. И, согласитесь, при таком раскладе суть происходящего меняется. Соня становится чуть лучше, а Наташа – чуть хуже. Она вроде и не виновата, графиня не велела ей говорить, и Соня, руководствуясь жалостью к блестящему красавцу и лояльностью к семье Ростовых, взялась ухаживать за ним... И вот... она как бы уже немножко тургеневская девушка – совсем другой характер. Но это только в одном экземпляре – моем, понимаете? Я специально пришел, чтобы проверить – только у меня.

– Ну и что?

– А то, что в таком случае теоретически может существовать экземпляр, где Соня таки выходила Болконского. И они поженились...

– И были счастливы?

– И не были счастливы, поскольку характер у него постепенно все больше стал походить на отцовский, и он все время напоминал ей, что она ему не ровня, и она плакала, но продолжала его любить. Это же все-таки не дамский роман.

– Опять же – ну и что?

– А что, если весь тираж будет состоять из таких экземпляров? Все издания, наличествующие на данный момент? Как это отразится на всех нас?

– Никак, – неуверенно сказал я.

– Вы ошибаетесь. Я же говорю вам – все написанное и есть правда. В каком-то смысле. Ладно, мне пора.

Он сгреб в портфель свой экземпляр «Войны и мира» – я специально смотрел, чтобы свой, и направился к двери. Уже на выходе я окликнул его:

– Погодите. Так какой хлеб нарежает Шарлотта?

Он обернулся и устало мигнул:

– В вашем экземпляре, ну, который я брал на дом, она нарежает черный хлеб. Ржаной.

– Ну и что?

– А то, что дом, где на стол гостям подают ржаной хлеб, принадлежит совсем другой культуре. Вы понимаете? Одна

деталь, и уже все другое. Сельское хозяйство. Традиции. Даже климат!

– Если это в одном экземпляре, то ничего, – неуверенно сказал я.

– А вы уверены, что только в одном? – спросил он через плечо и вышел. Я слышал, как он топает по железной лестнице.

* * *

– Алик, – трагичным голосом спросила тетя, – что это такое?

А то она не знает, что это такое.

– Я хотела постирать твои брюки. На всякий случай проверила карманы. А там...

– Ну, тетя Валя...

– Будет звонить твоя мама, что я ей скажу?

– Ничего, – сказал я сквозь зубы.

– Я думала, ты приличный мальчик.

– Я и есть приличный мальчик. А это мне нужно для опытов.

– Алик! Ну какие в библиотеке опыты? Что ты мне врешь? Ты спутался с этой... Райкиной дочкой. Сарра Моисеевна сказала, она видела, как вы вместе выходите из аптеки. И мамаша ее была шалава, и девка такая же шалава выросла...

Значит, они дают понять, что за мной все-таки наблюда-

ют. Сарра Моисеевна это так, прикрытие.

– А вот это, – выдавил я перехваченным горлом, – уже мое дело.

– Позволь! Я за тебя отвечаю. Я не допущу, чтобы...

Она замолчала, прислушалась и вновь повернулась ко мне. Лицо у нее было несчастное.

– Ну, вот опять.

– Это трамвай проехал, тетя.

– Нет. Они опять ее включили. Когда она работает, я слышу всякие гадости. Пойди, Алик, будь хорошим мальчиком, скажи им.

– Ладно, – сказал я с облегчением, – сейчас схожу.

Забрал у нее презервативы и вышел. На ветке за окном угрюмо требовала свою бутылку горчица.

* * *

Вода была прохладной. Я заставил себя отплавать свои четыре каэм, потом вылез на мокрый песок и растерся шершавым полотенцем. Над морем плавали волокна тумана. У горизонта, над полосой тумана, тянулась цепочка птиц – кажется, диких гусей. Они-то могут лететь, куда хотят – на всякие границы им наплевать!

Потом я подумал, что на самом деле мне надо бы плавать не вдоль берега, а в открытое море – совсем другое ощущение. Но на меня тут же начнут орать с патрульной вышки.

Они на всех орут. «Мужчина, заплывший за буйки, немедленно вернитесь обратно!» И потом как же я буду мерить километры?

Я поднялся наверх, миновав плакат «Правила поведения на воде» и черную табличку, на которой мелом были выведены цифры – температура воды и воздуха. Может... просто остаться здесь, устроиться на водную станцию, измерять температуру, следить, чтобы другие не заплывали за буйки?

Книжный магазин на Базарной открывался в девять. Я успел заскочить туда по дороге на работу.

Покровский пришел в пять – я уже запираю окна на шпингалеты.

– Сегодня короткий день.

Он ответил:

– Я ненадолго. Просто хотел взять книгу.

Вид у него был какой-то пришибленный, скучный, словно его побил молью.

– Какую-нибудь классику, да?

Он помялся. Потом сказал:

– Хватит с меня этой классики. Лучше фантастику. Там ведь все равно все выдумка, верно? И если что-нибудь изменится... Кто заметит, сколько ног на самом деле было у инопланетного чудовища?

Я сказал:

– Я был в книжном. У них есть этот ваш «Вертер». Новое издание, прошлого года. Я посмотрел.

– Ну и что? – быстро спросил он.

– Черный. Ну и что? Может, всегда был черный? Кто помнит?

– Вот именно, – согласился он. – Я об этом и говорю. – Он помялся: – Простите, но... тот Толстой? Можно посмотреть еще раз?

– Так мы вчера смотрели...

– Это же каких-нибудь пять минут!

Я пожал плечами и поплелся к стеллажу с намалеванной на картоне буквой «Т». Третий том «Войны и мира», понятное дело, стоял на месте – редкий ученик добирался до середины эпопеи.

– Вот он, ваш Толстой.

– Посмотрите вы, ладно?

– «Наташа...» – начал я, поскольку том сам собой раскрылся на триста девяносто пятой странице, – «...касательно личности их раненого спутника, тогда как Соня...». Это не та книга. Вы ее подменили, да?

– Нет, – уныло сказал он, – просто это распространяется все дальше. Как инфекция. Так я и думал.

– Скажите, – спросил я, – а вы газеты читать не пробовали?

Он прикусил губу, и я понял, что попал в точку.

Вот почему они им заинтересовались. Из-за газет. Ведь если...

– Я, наверное, вообще не буду читать, – быстро сказал он.

– Вы думаете, если вы прочтете газету, и там... если везде будет написано, что...

Что границы открыты, никто не спрашивает никаких справок, и мне не надо...

Что я никогда, никогда не лежал в психушке.

Что меня любит Лиля.

Не сложись все так, как сложилось, не прищучь они профессора Литвинова, не разгони кружок... Приходил человек в сером, вел долгие разговоры, смотрел укоризненно... Что я тогда ему сказал? О ком?

Не помню.

И я сказал хриплым шепотом:

– Если это правда... а вдруг... вы можете сделать так, чтобы все это... ну, это, вы понимаете? было лучше?

* * *

– Я не могу по заказу, – упирался он, – это как-то само... просто возникает в голове, и все.

– А если представить поярче...

– Что?

– Ну, Наполеон отменил крепостное право, просто ро-счерком пера, взял и отменил, и крестьяне взяли вилы и... Нет, не то. Опять получается то же самое... Или вот...

– Вы знаете, – сказал он, – это мне приходило в голову. Но это как-то слишком глобально. Я не... не умею думать

общими понятиями. Не представляю их. Только что-то частное, детали, подробности. Это да...

– Подробности. – Я задумался. – Вот вы говорили, что подробности тоже могут...

Мы сидели в кафе «Росинка» над морем и пили пиво. Немолодая, лет тридцати, женщина за стойкой нарезала бутерброды. Сквозь нейлоновую блузку проглядывал бюстгальтер, лишь чуть прикрывавший темные круги вокруг сосков. Я отвернулся.

Он сказал:

– Я думал, только сумасшедший мне поверит.

Я молчал, чувствуя, что краска заливает мне шею, щеки, виски. Потом с трудом выговорил, потому что молчание уже было просто невыносимым:

– Это был просто нервный срыв...

– Ах, вот оно что... – Он неловко покрутил головой. – Это вы потому бросили институт?

– Да, – сказал я, – да, отчасти. У нас был студенческий кружок, и они...

– А! – Он понял. Люди его возраста такие вещи понимали быстро.

– Так вы попробуете?

– Ну что же я могу сделать? – Он снял очки и как все близорукие люди сразу приобрел беспомощный вид. – Ведь даже если что-то и меняется, то трудно предугадать, как и что именно! Кстати, теоретически уже должны быть какие-то из-

менения, разве нет? Если «Юный Вертер» и Наташа с Со-ней...

Буфетчица подошла к нашему столику, и я заказал еще «Жигулевского».

– Вроде никаких. Но я все равно завтра что-нибудь вам подберу... такое... Просто, чтобы... ну, проверить, а вдруг? Понимаете?

– Да, – вздохнул он, – понимаю. Только завтра я не могу. Работа.

– Ну после работы? На этом самом месте.

Он надел очки, опять снял их, протер, снова надел.

– На этом самом месте, – сказал он. – Хорошо.

* * *

– И оказалось, что это та самая бабка, которую я обложила в трамвае, прикинь? – Оказывается, она тем временем что-то рассказывала, оживленно размахивая свободной рукой. – И она нам все баллы скостила... Ты что, не слушаешь?

Винный отдел в продуктовом еще не успел закрыться, и мы купили пыльную бутылку шампанского «Юбилейное». На берегу уже никого не было; мы устроились под скалой, похожей на спящего тюленя. Шампанское показалось мне совсем невкусным, я подумал, что представлял себе все как-то иначе.

– Почему, слушаю. Вам дали третье место.

– Ну, да, из-за той заразы. Ну откуда я знала, что она член комиссии?

Тем временем она взяла мою руку и положила ее себе... ну, в общем, на ней даже не было трусиков.

Я подумал – какого черта, она сама хочет! И тут луч света ударил мне по глазам.

– Оп-па! – сказала Лиля.

Камни на песке отбрасывали синие движущиеся тени, и среди этих теней стояли две фигуры с автоматами.

– И что это мы делаем в пограничной зоне после десяти вечера? – лениво спросил один.

– Понятно, что, – сказала Лиля и одернула платье.

– Тоже мне, нашли место, – кисло сказал пограничник. – Ну пошли, что ли?

– Мы ничего не нарушали, сержант, – оправдывался я, – мы только...

Пограничник тем временем разглядывал мой паспорт.

– Караванов Альберт Викторович, – сказал он, – понятно. А вам известно, что пребывание после десяти в пограничной зоне карается пятнадцатью сутками исправительно-трудовых работ?

– С каких это пор?

– Согласно указу семьдесят семь бэ. Так что пошли, гражданин Караванов Альберт Викторович.

Его напарник что-то сказал ему на ухо. Тот кивнул. Потом подтолкнул меня в бок стволом автомата.

– Двигай.

Его напарник и Лиля продолжали стоять на песке. Мне показалось, он положил руку ей на бедро.

– Почему вы... Послушайте, либо я пойду вместе с девушкой, либо...

– Какая девушка? – лениво сказал пограничник, – не было никакой девушки. Двигай, гад, а то пристрелю. При попытке к бегству.

Прожектор чертил в небе светящимся пальцем огненную дугу. Она обежала горизонт, тронула холодным пламенем кромку воды, по песку вновь побежали тени. Я оглянулся. Там, сзади, на берегу уже никого не было.

На миг я увидел дирижабль. Он висел в темном небе, точно разбухшая мертвая рыба.

* * *

– Значит, нарушаем, – сказал комендант. – Прописка временная, от военной службы уклоняемся и еще нарушаем...

– Я не уклоняюсь. Я освобожден.

– Согласно последнему постановлению Минобороны – нет. Пятнадцатью сутками вы не отделаетесь, гражданин Караванов. Вы дезертир.

– Послушайте, я...

В комендатуре было сумрачно, одинокая лампочка под проволочной сеткой горела вполнакала, вокруг нее чертила

круги ночница. На стене висел выцветший плакат «Действия гражданского населения при атаке с воздуха». На нем смутно угадывалось серое брюхо гигантского цеппелина.

Второй человек, сидевший за столом, склонился и что-то сказал коменданту на ухо.

Тот недовольно бросил мой паспорт на стол.

– Раз так, – сказал он, – ну ладно.

– Пойдемте, Альберт Викторович. – Тот, второй, поднялся.

– Куда?

– На вашем месте, – сказал тот строго, – я бы задавал поменьше вопросов.

Солдат у двери отодвинулся, пропуская нас, и козырнул – не мне, понятное дело.

У этого майора фамилия была Сергеев.

– Я ожидал от вас большей сознательности, – укоризненно сказал он, – вы в курсе, какая сейчас напряженная международная обстановка? Что сейчас в Монголии творится, знаете? А вы не хотите нам помочь в таком ответственном деле...

– В каком деле?

– Вот, – сказал майор, протягивая книжку в газетной обертке. – Дадите завтра этому вашему...

– Зачем?

– Пускай почитает. Вы же обещали ему литературу пододать, разве нет?

Все подстроено, подумал я, подстроено с самого начала.

Ну да, они же не могут заставить его читать насильно!

– А если он не захочет?

– Захочет.

– Откуда вы знаете?

– Ну, вы же с ним вроде подружились. Вот вы его и уговорите...

Всего неделя, подумал я, мне нужна всего неделя. Черт с ними, с тренировками – только бы прогрелась вода!

– Ладно, – сказал я.

И как они не боятся? Ведь может же он в принципе начинать что-то такое, отчего они исчезнут навсегда и больше не вернутся...

– Вот и хорошо. Сейчас вас проводят по месту жительства...

– Я сам дойду.

– Я же сказал, – веско уронил майор. – проводят. По месту. Жительства.

И я понял, что никуда мне от них не деться.

* * *

Затрепанная книжка в газетной обертке оказалась всего-навсего «Тарасом Бульбой».

Он рассеянно пролистал ее и сказал:

– Вы уверены, что с этим стоит работать?

Я сказал:

– А как же.

Неделя, думал я, как заведенный, – всего неделя. А там пускай делают, что хотят.

Пиво сегодня было какое-то мерзкое. Кислое, словно разбавленное.

– Я бы не хотел читать Гоголя, – уперся он, – вы понимаете... Он такой яркий писатель... в смысле живописный... а тут сплошные детали. Подробности. И вообще – зачем он вам? Все-таки он был странный человек, Гоголь. Давайте я лучше что-нибудь другое.

Я понятия не имел, зачем им понадобился «Тарас Бульба». Должно быть, в неведомом мне почтовом ящике неведомые аналитики просчитали что-то очень важное и судьбоносное...

На всякий случай я сказал:

– Я, конечно, историк недоучившийся, но... Помните, я вам говорил – тот кружок. Его вел профессор Литвинов...

– Тот самый? – Он слегка оживился.

– Ну да, – согласился я.

Неделя, не дольше.

Он сказал:

– Надеюсь, вы знаете, что делаете!

* * *

Утром я проплыл на двести метров больше. Вода была

двадцать градусов. Это в семь утра – к первому замеру. А значит...

Покровский так и не появился, я подумал, что это к лучшему. Я не мог смотреть ему в глаза.

Интересно все-таки, что он сделал с Тарасом Бульбой?

Сегодня была получка – очень кстати, потому что заначка моя совсем опустела. Правда, норму урезали и карточек на сахар не выдали совсем. Сказали, в следующем квартале. Те, которые на табак, я тут же у входа сменял на продуктовые и почти на все закупил шоколад и изюм. А стакан чищенных орехов я всего за сто рублей купил на базаре по дороге домой.

Талоны на спиртное я отдал тете Вале, и она сказала, что я хороший мальчик, – она их поменяет на талоны на сахар и наконец-то сварит варенье. Шоколад я спрятал в чемодан и затолкал его под кровать; тетка топталась на кухне, и уходить оттуда, похоже, не собиралась – я слышал гудение примуса и уханье насоса.

«Маяк» передавал песни по заявкам радиослушателей; большой популярностью пользовалась какая-то Гюльбешекер... Пела она, как принято у восточных певцов, с каким-то подвыванием, и я уже собирался выключить приемник. Тем более что слушать было совершенно невозможно – внизу, по брусчатке, грохотали колеса грузовой автоколонны. В кузовах стояли зачехленные орудия. Но тут как раз начались новости. Какое-то время я их слушал, просто так, не думая

ни о чем, но потом до меня дошло... Я вскочил и, даже не выключив приемник, который так и продолжал тихо квакать мне вслед, выбежал из дома...

* * *

Трамваи стояли – прямо на рельсах, черные и пустые, и, когда я добрался до библиотеки, была уже почти полночь. Я шел точно по дну моря, и тени акаций колыхались на треснувшем асфальте подобно водорослям.

Задыхаясь, я взбежал по железной лестнице и отпер наружную дверь. Библиотека встретила меня полной тишиной. На книжных полках подмигивали в лунном свете картонные таблички с буквами.

Я прошел меж стеллажами, задел ногой стремянку, она откинулась к противоположной полке, при этом больно ударив меня по щиколотке, но я даже не заметил. Я добрался наконец до Гоголя, бросил на пол пухлый том «Мертвых душ», потом не менее пухлый второй том...

«Тарас Бульба» был зажат между «Миргородом» и «Страшной местию». Он был совсем маленький... Только тут я сообразил, что надо бы включить свет. Накал был совсем слабым, лампочка еле тлела пурпурной вольфрамовой нитью.

Что они заставили его сделать? Передвинуть Запорожскую Сечь ниже по течению? Превратить прекрасную панну

в юную турчанку? Этого я узнать не успел, потому что по металлической лестнице загрохотали чьи-то тяжелые шаги...

Потом дверь распахнулась.

Я забыл запереть ее изнутри.

Мрачный парень с красной повязкой на рукаве шагнул внутрь. За ним шла девушка в красной косынке – она остановилась у порога, в темноте. В руке у нее был зажат потайной фонарь.

– Народная дружина, – сказал парень. – Почему нарушаем?

– Нарушаем? – удивился я. – Что? Я тут работаю. Я библиотекарь.

Мне хотелось сказать: «Я здешний ворон», и я с трудом подавил истерический смешок.

– Светомаскировку почему нарушаем? Окна почему не зашторены?

Тут только я сообразил, что меня тревожило, пока я шел к библиотеке ночными переулками. Темнота.

Не светилося ни одно окно.

– Не понял, – сказал я, – мы что, уже воюем?

– Еще нет, – сказал парень сквозь зубы, – это учения, урод. Сейчас пройдем в районный штаб ГО, и тебя доходчиво познакомят с текущим международным моментом...

Говоря это, он повернул выключатель, и свет погас. Светился только потайной фонарик и теперь – из темной комнаты, я смог разглядеть лицо девушки.

– Лиля, – сказал я.

Она была в гимнастерке, на рукаве красная повязка, талия перетянута ремнем, волосы убраны под косынку. Неудивительно, что я ее сразу не узнал.

– Ты его знаешь? – обернулся к ней парень.

– Да, – Она качнула фонарем. – Он у тети Вали живет. Племянник ее, что ли. Оставь его, Леха, он безобидный. Просто больной на голову. Плавает каждое утро по три часа, час-слово. Тренируется.

– А если бы это была боевая тревога? – не мог успокоиться ее спутник.

– Ну, тогда бы и разобрались. По законам военного времени. А сейчас чего? В штаб его тащить? Так штаб отсюда в трех кварталах...

– Ладно. – Парень махнул рукой и направился к выходу. – Твое счастье, малый. Только свет больше не зажигай, слышишь?

– Ладно, – в свою очередь ответил я.

Я хотел еще что-нибудь сказать Лиле, ну вроде что я все понимаю и не держу на нее зла или, напротив, что я ненавижу ее и буду ненавидеть вечно, но она уже простучала каблучками по железным ступенькам и исчезла во тьме.

Я на ощупь вытащил ящичек с читательскими формулами. Ничего не было видно, поэтому я поднес его к окну. Светила почти полная луна – в ее свете я нашел букву «П», извлек читательскую карточку Покровского и, поворачивая

ее то так, то эдак, чтобы слабый лунный луч высветил чернильную запись, нашел его адрес. Он жил на Канатной – не так уж далеко отсюда.

Я оставил картотеку на подоконнике и выбежал, чуть не забыв запереть за собой дверь.

* * *

Видимо, учения уже окончились, потому что во дворе дома стоял грузовик с включенными фарами и какие-то люди кряхтя поднимали в кузов что-то тяжелое. Сначала мне показалось, что это гроб, но потом я понял, что грузят пианино. Оно лаково блестело в лунном свете. Почему ночью? Я решил не ломать над этим голову, а, разглядев эмалевую табличку с номерами квартир над дверью парадной, взбежал на третий этаж. Несколько раз я нажимал на кнопку звонка под фамилией «Покровский» – были и еще кнопки и еще таблички с фамилиями, – мне показалось, что звонок не работает, и я все жал и жал, пока дверь не приоткрылась на длину цепочки.

– Я же сказал, к пяти утра, – недовольно буркнул Покровский.

– Борис Борисыч! Это я, Алик!

– А! – Он отстегнул цепочку. – Заходи.

Я зашел в темный коридор (свет он включил, но накал был опять никакой), и перевел дыхание.

– Все не так! Все получилось не так!

– Догадываюсь, – сухо сказал он. – Все всегда получается не так. А в данном случае что конкретно?

– Турция... Вы знаете, чья сейчас Турция?

– Ну да. – Он пожал плечами. – Турецкая Социалистическая республика – будто вы этого не знаете? Помнится, вы рассуждали на тему, что было бы, если бы Россия в свое время не вышла к Средиземному морю?

Выход в Атлантику. Босфор и Дарданеллы. Плацдарм в Малой Азии. Кто-то гораздо умнее меня взял и просчитал и не ошибся...

– Может, это и не так уж плохо, – пробормотал он, – учитывая, что сейчас творится на Дальнем Востоке.

– Да ничего там не творится! Не творилось, пока мы...

Пока Шарлотта не стала нарезать черный хлеб. Пока Соня не вышла замуж за Болконского. Пока...

– Что, – неуверенно сказал он, – было лучше?

– Гораздо лучше! Вы что, не помните?

– За мной должны заехать в пять утра, – сказал он, – нас перебрасывают в Красноярск. Я хотел хоть немного выспаться.

– Нельзя так. – Я почувствовал, как слезы затекают мне за воротник, и только поэтому осознал, что плачу. – Нельзя...

Тот румяный врач назвал это свехидеей. Я думаю, это примерно то же, что мания, нечто, что гонит вперед, и сжимает грудь, и не дает дышать... Не будь ее, я бы, наверное,

тоже принял все как есть, и не удивлялся бы, и успокоился. Но эта мания выжгла у меня в мозгу огненную печать, и я твердо помнил, что так не должно...

– Что? – Он близоруко моргнул, – вы хотите отменить Турцию?

– Да! Как же я... я же тренировался! Я же мечтал! Куда мне теперь плыть? Куда деваться?

– Но я не могу. Как можно отменить реальность?

– Но у вас же получалось! Вы ведь уже делали! До пяти еще есть время. Если подумать... найти что-то правильное... Правильную классику...

– У меня больше нет классики, – невыразительно сказал он.

– Тогда пошли! В библиотеку! У меня ключ – вот!

Я для убедительности встряхнул ключом.

– Алик, – сказал он, – вы вообще в курсе, что после двух ночи действует комендантский час?

– Я... нет. Но ведь сейчас только полвторого!

– За мной в пять должны заехать, – напомнил он.

– Если все пойдет как надо, никто никуда не поедет. Это все из-за «Тараса Бульбы»!

Он сказал:

– Мне кажется, вы преувеличиваете! Алик, а вы вообще... как себя чувствуете?

Я понял, что он уже и сам не помнил настоящей реальности. Может, подумал я в тихой панике, та реальность, где

мы встретились, тоже была ненастоящая, потому что он ведь что-то и до этого читал, и все уже было искажено и намертво сцеплено, а на самом деле все было замечательно, в той, самой-самой первой, самой настоящей, и никто ко мне не приходил, и не разговаривал со мной, и не призывал к сознательности, и я не принес им свои конспекты лекций профессора Литвинова, и толстый румяный врач не приходил никогда, и если и приходил, то не ко мне...

У нас уже были космические корабли, подумал я, наверняка Луна и Марс, и орбитальные поселения и на Земле не было границ, и моря принадлежали всем.

Мне захотелось ударить его, и я с трудом заставил себя разжать стиснутые кулаки.

Нет, сказал я себе, просто его странные способности развились совсем недавно, и он не умеет ими управлять, его надо просто научить, подтолкнуть, не может же быть, чтобы все нельзя было сделать лучше, только хуже – надо просто знать как, смогли же эти подгрести под себя Турцию!

Он даже хотел захлопнуть дверь, но я сунул ногу в щель и сказал:

– Нет!

– Алик, – сказал он, – послушайте.

– Я ведь сумасшедший. У меня и справка есть. Хотите, покажу?

Я так смотрел на него, чтобы он понял, я могу сделать все, что угодно, абсолютно все, что угодно, и мне ничего за это

не будет... ну, почти ничего.

И он почувствовал это и на самом деле испугался.

– Ладно-ладно, – сказал он, – пошли. Только... не надо так горячиться, Алик!

* * *

Булыжник блестел, словно политый водой, черные тени лежали на нем, и наши торопливые шаги отдавались эхом в темных подворотнях.

Без десяти два мы стояли у двери библиотеки. На ней висел огромный амбарный замок, а еще она была опечатана – и со шнурка свисала бумажка с надписью:

«Объект находится под особым контролем Штаба Гражданской Обороны»

Он сказал:

– Вот и все. Это вы нарочно меня сюда вытащили?

И присел на ступеньку.

– Меня предупреждали. Чтобы я не поддавался на провокации.

– Предупреждали? – Я нависал над ним, пытаюсь осмыслить услышанное, – значит, они вас тоже завербовали?

– Почему – тоже? – теперь удивился он. – И вообще, никто меня не вербовал. Я работаю на объекте, я же вам говорил.

– Это связано с книгами?

– Вовсе нет, – отмахнулся он.

Я подумал, в этой реальности он немножко другой, и его странное качество может исчезнуть так же внезапно, как появилось. Но попробовать стоило. Мне казалось, я уже слышу шаги патруля, настоящего военного патруля, а не тех опереточных дружинников, они грохотом отдавались в подворотнях, и я никак не мог сосредоточиться.

– Что вы читали в последнее время? Вспомните!

– Да ничего я не читал, – отмахнулся он.

– Ну, когда-то. Давно, в школе?

– «Дубровского», – неуверенно сказал он, – «Капитанскую дочку»...

Из-за крыш, шипя и разбрасывая искры, вырвалась сигнальная ракета, пронеслась вертикально вверх, оставляя светящийся след в черном воздухе, и погасла.

– Да я почти ничего не помню. – Он задумался. – Только про то, как француз медведю в ухо выстрелил, и еще про беличий тулупчик.

– Раньше вы были не таким! Раньше вы... Вас это интересовало. Вправду интересовало!

– Послушайте, Алик, – устало сказал он, – нас ведь сейчас заметет патруль. Они сейчас не церемонятся. Правда, может, мне из комендатуры удастся связаться с нашим замом по АХЧ, он наверняка сейчас не спит, все-таки у меня категория «Це». А у вас?

– Не знаю.

– Как можно не знать своей категории? Нет. – Он помотал

головой. — Ничего не приходит... устал я очень, мы тут одну штуку до ума доводили, мне бы еще пару дней, ну, хотя бы сутки, а нас в Красноярск... Оборудование погрузили, расчеты опечатали.

— Последний раз. — Я всхлипывал, обернувшись лицом к морю. Его не было видно, но я все равно его чувствовал; бесполезное, бессмысленное сугубо внутреннее море, за которым лежит Турецкая Советская Социалистическая республика...

Шаги грохотали по брусчатке.

— И тогда вас никуда не переведут, и вы успеете закончить свою одну штуку. Вам же ничего не надо делать, просто вспомните, ну, пожалуйста, вспомните про, ну, я не знаю, Гринева там, или Швабрина...

Я точно помнил, что там был еще и Швабрин.

— Вы слишком верите книгам, — сказал он, — словно они могут спасти человечество. Уверяю вас, это не так. Книги — это слишком... эфемерно.

— Я вовсе не хочу спасти человечество. Оно либо спасется само по себе, либо не заслуживает спасения. Я хочу спасти себя.

— Никто не меняется, — сказал он устало, — и вы не изменитесь. Что бы ни произошло, вы не изменитесь.

— Нет! — У меня перед глазами все расплывалось от слез, и я совсем не видел его лица. — Я мог бы стать свободным! Мог бы изучать море! Увидеть другие страны! А это...

Тут я только ощутил, что в мире что-то изменилось.

Шаги больше не отдавались эхом по брусчатке. Фонарь в моих глазах расплывался колючим ореолом, а где-то за углом звенел на повороте трамвай.

– Не понимаю, чего вы от меня все время хотите, – сказал он сердито.

– Ничего, Борис Борисыч, – судорожно выдохнул я, – кажется, уже ничего.

Что он вспомнил? Что вместо беличьего тулупчика Пугачеву достался заячий? Или что-то совсем другое, такое незначительное, что никто, кроме литературоведов, обычно и не замечает?

На противоположной стороне улицы за стеклом булочной красовались плакаты «Хлеб – всему голова!» и «Планы Партии – Планы народа». Акация трясла сухими стручками, как дервиш – погремушкой. Луч прожектора береговой охраны щупал дальние тучи.

– Вытащили меня посреди ночи... – продолжал ворчать он.

– Уже все, – сказал я, – можно идти домой. Вам же вставать в пять утра.

– С чего это? – удивился он.

Ночь дышала сухим черным жаром, точно бочка со смолой. Цикады орали так, что у меня звенело в ушах. Одна сидела на нижней лестничной площадке – крохотное рогатое создание, – и судорожно трепетала крыльями.

– А знаете, – сказал он, это даже хорошо, что вы меня вытащили. Давно уже я не гулял ночью... когда-то, давным-давно...

– С девушкой?

– Да, с одной девушкой. Только это было не здесь, в Мурманске. Ночи там летом светлые. Облака над морем золотятся, чайки кричат. Красиво.

– А потом?

– Потом нас перевели. Сначала в Севастополь, потом сюда. У нас же закрытая контора. Так я и не...

– Закурить не найдется?

Они выросли из подворотни так внезапно, что я на миг подумал, это опять какой-то патруль, но это была просто какая-то пьяная компания. Они стояли, перекрыв дорогу и отбрасывая тени, такие длинные, что головы их плясали где-то у наших ног.

Я сказал:

– Извините, нет.

– Не сказал ей, что люблю ее, – закончил Покровский. – Не успел.

– Ты невежливо разговариваешь, – сказал парень.

Я опять сказал:

– Извините. Пропустите ребята, а?

– Плохо просишь. – Они сдвинулись, и тени их слились в одно трехголовое чудовище. – Гони бабки, малый.

– У меня... – Я начал рыться по карманам.

– Не унижайтесь, Алик, – сказал Покровский.

– И ты, четырехглазый.

В кино герой всегда бьет хулиганов. Внезапно оказывается, что он знает самбо или бокс и вообще мастер спорта, но это скрывает, но я только и умел, что плыть вперед, зарывшись в зеленые волны... пятьдесят метров... еще пятьдесят. Все, что я умел – это беречь дыхание.

Я нечаянно вывернул карман, он болтался пустым мешочком у бедра. Денег у меня было всего ничего; и им это не понравилось.

– Это не деньги, – сказал один строго – Ты издеваешься? Он над нами издевается, да? По-моему, ему надо извиниться. Извиняйся, паскуда.

– Извините.

– Не так. Ложись на землю.

– Алик, – сказал Покровский, – не делайте этого. Потом будете жалеть.

Я остался стоять.

– А ты заткнись, четырехглазый.

– Ах ты чмо лагерное, – сказал Покровский, – гнида!

Он коротко размахнулся и ударил среднего под дых – не так неумело, как могло бы показаться. Он дрался точными, отработанными движениями – вот он-то вполне мог сойти за того киногероя, только там, в фильмах, парень обычно идет с девушкой и лет ему под двадцать, потому что он ударник труда и мастер спорта. А Покровский был старше, намного

старше.

Я осознал, что просто стою и смотрю, как будто и вправду это было кино. Наверное, надо помочь? Я сделал шаг к тому, второму, и уже размахнулся, чтобы ударить, как вдруг Покровский стал оседать, держась за бок, а тени вокруг него метнулись в разные стороны и пропали – бесшумно, как и полагается теням, а он остался лежать, скорчившись, и булыжник рядом с ним вдруг стал лаково блестеть.

– Так и не успел, – пожаловался он и закрыл глаза.

У ближайшего автомата была с корнем выдрана трубка, но другой рядом с ним работал, и я набрал 03, и сказал:

– Тут, на углу Канатной человека ножом ударили.

– Адрес, – сказал усталый голос в трубке.

– Я ж говорю, на углу Канатной. Сегедская угол Канатной.

Я сидел с ним, пока не услышал вой сирены, потом отошел и из ближайшего подъезда смотрел, как его увозили. Помоему, к тому времени он как раз перестал дышать.

Милиция приехала раньше «Скорой» – наверное, кто-то из окна видел драку и вызвал милицию, но сам, понятное дело, вмешиваться не стал. Никто из темного дома не вмешался, никто не вышел, чтобы спасти его. Чтобы спасти нас.

Я стоял, смотрел и думал: все кончилось. И когда на подгибающихся ногах брел домой, вернее, к тете Вале, думал: все кончилось, все как всегда, больше ничего не изменится, и я никуда от себя не денусь, и, наверное, завтра меня вызовут туда, хорошо бы, они меня нигде не нашли, поэто-

му лучше я не пойду на работу, а пойду куда-нибудь в городской сад, послушаю духовой оркестр, поем мороженое из круглой алюминиевой вазочки, покатаюсь на цепной карусели или просто посижу где-нибудь на траве, потому что сегодня мне предстоит бессонная ночь, надо подготовиться, шоколад лежит под кроватью в чемодане с вещами, который я до сих пор так и не успел разобрать до конца, и я наполню презервативы высококалорийной смесью шоколада и толченых орехов, и привяжу к поясу, и на следующую ночь войду в теплую воду и поплыву, и катер в территориальных водах напрасно будет шарить своим лучом по волнам; потому что одинокого пловца не так просто заметить.

Так думал я, поднимаясь по темной, пропахшей кошками лестнице, мимо таблички: «Трусить в парадном воспрещается», мимо похабных надписей на стенах, мимо почтовых ящиков с полустертыми номерами.

Я уже машинально вытер ноги о половичок и нашарил в кармане ключ, но остановился. Оставалось еще одно дело.

Я обернулся к соседней двери и нажал облупленную кнопку звонка. Я жал и жал, наверное, минут пять, пока за дверью не раздались шаркающие шаги.

– Кто там? – спросил дребезжащий голос.

– Откройте, Илья Маркович, это ваш сосед, Алик.

– Алик? – удивился Илья Маркович, снимая цепочку с двери. – Что случилось?

Он был в пижаме и тапочках.

Я молча отодвинул его и прошел в коридор. Хрусталь в румынской стенке переливался острыми гранями, а на подоконнике стоял круглый аквариум с рыбками, и они таращились на меня своими выпуклыми глазами и шевелили губами, будто хотели что-то сказать. Я прошел мимо, к стенке, на которой висел новенький ковер, и сорвал его со стены. Нашитые петли треснули, а вот гвоздики полетели в разные стороны – под ними обнаружилась фанерная дверь с круглой ручкой. Я дернул ее на себя и, подхватив ближайший стул, с размаху ударил им в блестящую панель, подмигивающую огоньками.

– Не включайте больше свою машину, Илья Маркович! – сказал я сквозь зубы. – Никогда больше не включайте свою машину!

Спруты

«Любезный мой друг, – писал он по-французски, – разумный и органический прогресс, безусловно, есть всеобщее благо. Он, по крайней мере, лучше того духа отрицания и критики, что царит в последнее время на попрание общественного развития в Европе».

Помахал перед лицом ладонью.

Померещилось, ничего нет за портьерой.

И что за лицемерие, зачем пишу?

Приподнялся осторожно, газовый рожок прикрутил, на цыпочках прошел к окну, отдернул портьеру. Ткань пахла мокрой овчиной.

Тяжелый, гнилостный запах.

Водоросли, облепившие разбухшее лицо утопленника.

Выдумки твой прогресс, друг любезный, сплошное холодное умствование. Думаешь, все, что обитает на земле и под землей, можно постичь человеческим разумом. А они ползают там, в темных глубинах...

С миниатюры на столе молнией сверкнуло нежное наклоненное лицо с черешневыми навывкате глазами и ярким, свежим ртом.

Матане звала ее цыганкой. Цыганка сверкнет глазом, запрокинет голову, блеснет зубами, и идешь, идешь за ней, не помня себя...

За бесстыдно отдернутой портьерой во все края простиралось одинаковое полупрозрачное небо, капли, светясь, висели на черных ветках, на желтых листьях с завернувшимися краями.

А там скользит туман меж еловых стволов, холодный туман, а небо над ним теплое-теплое, синее, розовое небо, а в нем, в этом блистающем небе привиденьицем тоненький ноготь молодого месяца, вальдшнепы кричат на тяге, бекасы блеют барашками, ружье в руках нагревается, в сильных, молодых руках английское ружье Мортимера, заряжающееся а la Robert, по последнему слову ружейного искусства...

Да, но без Нее, без счастья служить Ей, видеть Её ежедневно, без этого экстаза самоотречения, разве испытал бы он ту остроту жизни, в которой даже страдание расцвечено чудными павлиньими пятнами, наподобие тех, что плавают под сомкнутыми веками?

Это странное, звенящее чувство пустоты и легкости словно облако несется над землею, одушевленное, счастливое облако, свободное от брэнной оболочки, словно...

... выпотрошенная рыба, подгнивающая на грязном кухонном столе.

Как она забеспокоилась, бедняжка, когда он первый раз шепотом спросил ее: «Кто это там? В углу?» Как стала уверять, что всего лишь тень от буфета, лунный отблеск от зеркала, мутный плавающий свет.

Он-то знает лучше.

«...Издатель ваш, друг мой, сущий кровопийца, а вы по наивности все числите его за благодетеля. Помилуйте, слышанное ли это дело — по два романа в год, на столько лет вперед, будто вы фабрика какая! Вот вы и жалуетесь, голубчик, что глаза у вас сдают совсем, пишете ощупью, чуть не по линейке. А что до переезда вашего из Парижа, так хотя в провинции жизнь, конечно, дешевле, но климат там, по-моему, еще хуже, особенно зимою...»

И как он только не боится жить так близко от тех, что в глубинах? Море ведь совсем рядом, вот оно, плещет под окнами! Недаром, говорят, он затворяется в какой-то башне, впрочем, тут еще вопрос, от кого он там прячется. И почему из всех женщин выбираем мы тех, что мучают нас до конца жизни?

Есть ведь превосходные женщины, нежные и мужественные, интеллектуальные женщины, наконец!

Я сам про них писал.

Они готовы отдать всю себя мужчине, безрассудно, бескорыстно, жертвенно, у них прямая бесхитростная натура, прямые русые волосы, чистая серая радужка, окаймленная темным колечком, чистый глазной белок без этих красноватых прожилок... Но вот пришла эта, тряхнула черными локонами (горячие щипцы), тяжелые темные веки опустила (сурьма), алым ртом улыбнулась... спелые вишневые губы, вот это у нее настоящее, потому как...

Гнездо тут у них, что ли? Чудовищный, нечеловеческий

выплодок, они высасывают жизненную силу нашу, улыбаются яркими губами, говорят ласковые слова, доводят до растворения, до самоистребления!

И как знать, быть может, это и удерживает еще мое облако здесь, на этой земле, вдали от перелесков, вдали от мокрых еловых стволов? Успеть, написать правду, чтобы люди ужаснулись, и поверили, и истребили эту заразу.

И я сейчас отложу идиотское это письмо, запрусь изнутри и напишу наконец. Я же мужчина! Я ничего не боюсь! Сейчас вот прямо сяду и напишу! Если только... если Она позволит.

Вот, опять – тяжелые складки облепили скрытую тканью неведомую форму. И не надо ничего говорить, не надо звать прислугу, эти дуры все равно не понимают, им не дано видеть невидимое. Я-то знаю, кто там прячется.

У того, кто стоит за портьерой, кожа серая и липкая. У того, кто стоит за портьерой, есть щупальца. У того, кто стоит за портьерой, большие бледные глаза.

Легко быть материалистом, когда ты молод и силен. Легко знать, что чудес не бывает, а дважды два – всегда четыре. Но, господи, как быть, если чудо есть, но оно вот такое?

Убери, убери это чудо, ибо взываю я к тебе из глубин и объяли меня воды до души моей...

Чертова сырость, как от нее болят суставы!

А как, бывало, играл каждый мускул, как дыхание распирало мощную молодую грудь; идешь по лесу, листья мок-

рые, молодые, клейкие, улитки папоротника-орляка шевелятся под ногой, острый запах земли стелется над буреломом, над прелой прошлогодней листвой...

Бояться в такую ночь и то сладко.

Я совсем не страшный, я никому не сделаю ничего плохого, я просто заблудился, не бойтесь меня... Вон даже собаки ваши и то лежат спокойно у костра, вслушиваясь в тьму, наполненную вздохами и голосами перелетной ночи...

Я совершенно не опасен, – вон какой тонкий месяц сквозит над елями, такой бледный, что его не замечают даже ближайшие звезды.

И я не упырь, вот вам крест! Упыри здесь не водятся.

Здесь, в глухих омутах, в сырых оврагах, над которыми текут золотые звезды, своя магия. Ухают, ворочаются в липкой тине водяные; серебряными рыбками сверкают в ивняке русалки и плачут и смеются детскими голосами.

Нет, уже и они смолкли, не смеются больше – древняя магия, когда-то такая сильная, трепещет и растворяется перед напором новой, пахнущей углем и железом, и мускусом, и Eau De Cologne...

И те из нас, кто еще остался, уйдут, как поутру уходит туман из лощин, мы станем страшной сказкой, которую рассказывают детям на ночь, мы втянемся в лесные дебри как... как щупальца!

«Ваш новый роман, что вы мне прислали, решительно мне не понравился...»

Так, проглядел, скучища, опять прогресс, опять новый человек, но было там место, я и читать не стал, — открыл и закрыл сразу, и все равно увидел его, бледный пульсирующий кожистый клапан, огромные бледные глаза, лес шевелящихся щупальцев...

Остальное не страшно, остальное милый амьенский отшельник наверняка списывал с каких-нибудь зоологий, до тошно списывал, латынью, по классификации линнеевской. Спинороги, зоофиты, ламприды, спаровые, вся эта шевелящаяся, дышащая, пульсирующая масса, слипшаяся в один бесформенный слизистый ком...

Земля, говоришь, нуждается не в новых материках, а в новых людях? Когда-то и я так думал. Новый человек со скальпелем, с этим их европейским рацио в мозгах...

А новому человеку в смертный час всё красные собаки мерещатся.

«Вы, друг мой, полагаете будущее как бы продолжением настоящего, словно из прошлого в будущее идет прямая дорога, свернув с которой мы обрекаем себя на гибель. Что до меня, то какой вклад примет будущее, я не знаю, — да и не интересуюсь слишком. Вот если благодаря какой волшебной машине удалось бы вернуться в прошлое и переменить свою судьбу! Избежать тех ошибок, которые привели к таким печальным последствиям... Увы, уверяю вас, ни судьбы своей переменить нельзя, ни самого себя никто не знает, да и будущее тоже предвидеть невозможно. Разве знал я, что моя

утлая ладья будет выброшена на чужой берег, чтобы догнать там в мире и тишине? Нет, земное все прах и тлен, и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны!»

Если бы мог я в России! Но слишком долгие там зимние ночи, слишком большая луна серебрит искрящийся снег, простирающийся до горизонта, до темного ледяного моря, где льдины со скрежетом трутся друг о друга.

А все же до чего хороша эта синь, расписанная морозом, продышишь стекло – там, в кружочке, как в стеклянном волшебном шаре, открывается удивительная картинка, и небо там, и крыши изб, и дым из труб вверх идет, и висит на утреннем небе бледная луна...

«Впрочем, наш брат писатель всегда излагает некую идею, придавая ей лишь видимость жизни, нечто вроде музея восковых персон *madame Тюссо*, ежели уж с чем-то сравнивать. Я вам, кстати, графа Толстого новый роман очень советую прочесть, как переведут, тем более вы пишете, что весьма интересуетесь Россией с недавних пор...»

Опять, наверное, очередное необыкновенное путешествие задумал. Да что он может знать про Россию! Спишет с географического справочника какого-нибудь!

Русалка на серебряной иве заливалась серебряным смехом, сама серебрилась рыбкой, не отбрасывала тени, манила, манила детской своей ладошкой...

Может, это и хорошо, подумал он. Может, так и надо бы-

ло.

Когда увидел Ее, нет, не так, услышал – ангельский голос, пение ангельское, плеск крыл, а уж потом только – свет, от Нее изливающийся, вот оно, подумалось, вот спасение, моя Консуэло, мое утешение, и оставлю я дом свой, и прилеплюсь к жене своей, и начнется новая жизнь, в которой не будет места старому.

И стало так. Но – иначе.

Увела за собой, досуха высосала, оставив лишь пустую оболочку, увела от пустых полей, от луны, от гула в крови и застилающего глаза багрянца, от уханья водяного в топляке, от прозрачного смеха русалок, увела далеко-далеко, обложила паучатами своими, липкой паутиной оплела, натравила морских чудищ, извечных врагов горячей красной крови и теплой плоти...

Значит – так и надо. Значит – по заслугам.

Когда в световом пятне, отбрасываемом костром, увидел того мальчика, и смертный знак у него на лбу, и бродил вокруг, дожидаясь полной луны, чтобы лететь, пластаясь четырехлапой черной тенью, неслышным облаком, по оврагу, на зов детской крови... а потом, уже в новолуние, с равнодушным лицом узнавать о его гибели, и уже здесь, скрипя пером, выталкивать из себя, освобождаясь, выдумывать ему другую, прозаическую смерть...

Все мы обречены, подумал он. И я, и граф Толстой, и бедный амьенский ремесленник.

Может, хотя бы этому юноше повезет, Мопассану, ведь талантлив же, черт!

– Тургель, – раздался из-за двери сладкий полнозвучный зов. – Тургель, милый... Луиза на мигрень жалуется. Ты бы сходил к доктору, друг мой...

– Иду, Полинька, – торопливо отозвался Иван Сергеевич. – Уже иду, душа моя.

И все деревья в садах...

– Что, – спросила она, – никого не осталось?

Он покачал головой:

– Ну, ты же знаешь, как оно бывает...

Над поселком стояло сизое марево – процессы распада и синтеза шли стремительно, нагревая и мертвую органику, и выюнок. Выюнок уже перевесился через глинобитные стены, один усик, трепеща, обвинил Яну щиколотку, и тот брезгливо отдернул ногу.

– Понятия не имею, как оно бывает, – пробормотала Фей.

Она охватила ладонями плечи и вздрагивала будто от озноба – на таком-то солнце.

– Ну, как же, – пробормотал он, – просто приходят, и все...

Водонапорная башня уже обрушилась под весом оплещенного ее выюнка. Усики жадно пили воду.

– Они же недавно отделились, – не сдавалась Фей.

– Значит, поздно отделились. Или скудно. Мало кому хочется – на новом месте.

– Раньше так не было, – упорствовала Фей.

– Ну, да, ну, да, – устало согласился он. Спорить не было сил.

С другой стороны, Фей-то права. Сначала – города. Потом крупные поселки. Чем больше людей, тем больше шансов,

думал он, это как бабочки летят на свет... Чем ярче свет...

Огораживающая поселок стена была цела, понятное дело. Он сплюнул в пыль.

– Пойдем отсюда. – Фей расплакалась – Скорее пойдем!

– погоди, только воды наберу.

Он выстрелил в зеленую массу, оплетавшую бак, – усики отдернулись. В железных обломках еще сохранилось немного воды – она отдавала ржавчиной, но он погрузил в нее флягу и держал, пока последние пузырьки воздуха не лопнули на поверхности, подернутой радужной пленкой. Фей продолжала плакать у него за спиной. Это раздражало, но он на нее даже не прикрикнул – хотя бы ясно, где она и что делает.

Наконец, он обернулся, держа флягу в руке. Фей продолжала плакать. Слезы прочертили светлые дорожки по щекам, по пыльной шее, теперь стало видно, что кожа у нее светлее, чем покрывавший ее слой грязи.

Он подошел, отстегнул от пояса ее флягу. Она даже не заметила. Продолжала плакать.

– Ну, перестань, – неловко сказал он, цепляя флягу обратно ей на пояс, – ну, что поделаешь...

Вода им досталась на обратный путь, вот и все. Остальное – швейные иглы, сменные пластины для солнечных батарей, все, за чем они шли, было погребено под этой зеленой опарой.

– Ладно, – сказал он, – пошли. Цикл у них короткий.

Она опустила голову, рассматривая сбитые башмаки.

– Они же одиночек не трогают.

– Ну, просто противно...

Башмаки ей так и не справили, – подумал он огорченно.

– Может, это... Дойдем до Овражков?

Она отчаянно затрясла головой.

– Домой! Домой хочу!

Почему они открыли? – думал он. – Почему впустили?

Впрочем, в общих чертах, понятно – почему. В общих чертах все знали, как это происходит. Точно не знал никто.

Наверное, все дело в запахе.

Оглядываться он не стал. Отлично знал, что там, под этой зеленой, вздымающейся и опадающей опарой.

Ладно.

Они отошли еще на несколько шагов, когда Фей снова вцепилась ему в руку.

– Ну что там еще? – устало спросил он.

– Давай... Ян, пожалуйста... свяжись с ними... как они там...

– Да никак. Хочешь их совсем напугать?

– Мы не скажем. Просто спросим, как они там – и все...

Скажем, что идем домой.

– Может, все-таки... до Овражков? Они вроде поменьше.

– Еще меньше? – Она с горечью оглядела глинобитный забор. Отсюда уже было видно, как тот загибается, огораживая поселение, – Но, Ян... еще меньше, это ж почти как наш хутор!

Он непроизвольно стиснул зубы, потом бросил на землю вещмешок, вытащил рацию.

Какое-то время в наушнике раздавался лишь треск атмосферных разрядов. Потом, долгое время спустя, ломающийся голос неуверенно спросил:

– Папа?

– Да, командир. У вас там все в порядке?

– Да, папа. Закончили полив.

– Сейчас?

– Да что ты, папа. Еще утром.

– Ладно, – пробурчал он. – Как плакса?

– Плачет, – хихикнул сын.

– Ладно. Скажи ей... мы скоро будем. Воды подкачай еще. Только это... Вручную, ладно?

– Ну, – недовольно пробурчал мальчик.

– Сказано же!

– Да ладно, сделаю. Вы там как? Все успели?

– Ну...

Он помолчал.

– Не открывай ворота, слышишь. Сидите за оградой и ни шагу.

– Да я знаю. А что...

Треск...

Он выключил рацию. Пожалуй, он был рад, что связь прервалась.

– Ну как? – Фей вцепилась загрубелой рукой ему в плечо.

Ногти обломаны, с черной каймой.

– Да в порядке все. Я ж говорил. И чего зря беспокоиться? Хутора они не трогают.

– Ты велел ему накачать воды вручную? – Она успокоилась и теперь завела привычную песню.

– Да что с ним станется? Здоровый же малый. Отделяться ему пора, вот что!

– Да ты что, Ян! Он же еще маленький! Совсем ребенок!

– Ему пятнадцать, Фей. Я в четырнадцать отделился.

А то можно подумать, она не помнит, когда он отделился. Она ж на десять лет старше его. В округе не было девушек на выданье его возраста, а у родителей Фей хутор совсем крохотный. То-се, так получилось, что засиделась она в девках. А другой не нашлось. Сначала ему как-то не по себе было. Потом притерпелся.

Эта, с хутора у Косой скалы. Младшенькая. Марика вроде. Так надо с ее отцом поговорить...

Фей всхлипнула, утерла нос рукавом, но ничего не сказала.

– Овражки надо бы предупредить, – пробормотал он, крутя колесико.

Разряды.

– Ну? – выдохнула Фей.

– Ионизация. Опять разыгралось, похоже.

– Вспышка?

Он надвинул щиток на глаза, искоса взглянул вверх. Солн-

це корчилося в раскаленном мареве, выбрасывая в стороны мутноватые щупальца. Одно было совсем уж поганим.

– Не то слово...

Он покачал головой.

– Может, и уцелеют...

Спрятал рацию, закинул вещмешок на плечо. В последний раз обернулся. Скрипнув горячей пылью на зубах.

– Совсем же маленькая деревушка была, – пробормотал он. Поправил лямку мешка. Перекинул на грудь карабин. – Пошли...

– Назад? – с робкой надеждой взглянула она на него.

– А то...

Это все излучение, думал он. Раньше они были спокойней. И нападали на города, только на города. Даже крупные поселки обходили стороной...

Впрочем, сам он городов не помнил. А вот поселки числом до полутыщи душ еще застал. В детстве. У него осталось смутное впечатление чего-то огромного...

А все потому, что этой твари просто-напросто жрать хочется, уныло думал он, ощущая, как песок обжигает ноги даже через подошвы и несколько слоев намотанной на ступни ткани. Пить хочется. Воду-то хрен добудешь. Органика, опять же. Минеральные соли. Кальций.

Он вновь пошевелил карабином, ощутив под ладонью раскаленный металл ствола.

– Придем, батарею попробую починить.

– Чем, Ян?

Он погремел рифлеными пластинами в кармане.

– Отколупал от их СБ. Им-то оно без надобности. Погоди.

Она покорно остановилась. Он отстегнул флягу, стащил с головы повязку и аккуратно промочил ее из узкого горлышка. Потом снова надел на голову. Сразу стало легче.

Солнце корчилось в небе, как раздавленная медуза.

– На твоём месте, – сказал он, – я сделал бы так же.

– Воду жалко.

– Придем, я почию насос. Элементы вот в СБ заменю и почию.

По такыру пробежала многоножка. Небольшая, в две ладони. Он было пошевелил карабином, но передумал.

Далеко в пронзительной синеве неба парили черные точки, но ему ни на миг не пришло в голову, что это птицы. Он и слова-то такого не знал. Просто мелкие кровоизлияния на сетчатке. Жара...

Проклятое солнце! Будь все как всегда, они бы переждали самую жару под саманными крышами поселка, а к закату вышли бы в путь. Не получилось.

Он вдруг понял, что почти и не думает о тех, погребенных под выющим зеленым покровом. А ведь он же их знал. Смеялся с ними, окликал по имени, пиво пил. Я вроде должен горевать, удивлялся он сам себе. Точно – должен. Но – не горюю. Почему? Мы все разучились... чувствовать... Так, что ли?

Он остановился.

Фей, семенящая сзади, ткнулась ему в спину.

– Ты что? – спросила она горячим шепотом.

– Да все путем. Повязку еще намочу.

Не будет больше поселков. Одни хутора.

Я ничего не чувствую, потому что они чувствуют чувства.

Ищут их. Чем больше народу, тем больше совокупного чувства. Надо научиться ничего не чувствовать. Тогда они нас не поймают. Они приспособливаются. Мы приспособливаемся. Так оно и идет.

Она вновь схватила его за плечо – все время за одно и то же место, где сустав упирается в ключицу. Там уже скоро синяк будет.

– Гляди!

На грани марева и плотной кромки такыра плелась какая-то фигура.

Еще кто-то.

Хуторянин?

Свет резал глаза, отчего контуры выглядели размытыми.

Он, не отводя взгляда от темного силуэта, похлопал по груди, нащупал бинокль на потертом ремешке, поднес к глазам.

– Не пойму.

Линзы исцарапаны песком, все в мельчайших мутных искрах.

– Уцелевший? – спросила она неуверенно. – Тоже ходил

куда-то? На хутор? Теперь возвращается?

Он снял с головы повязку, которая уже успела просохнуть, помахал ею в воздухе.

– Эй!

Человек вдалеке тоже помахал рукой.

– Эй! – вновь крикнул он, приложив свободную руку рупором ко рту.

Человек вдалеке повторил его движение.

Бинокль оттягивал шею. Он вновь поднес его к глазам. Что-то не то.

– Ян!

– Вижу, – сказал он сквозь зубы.

Сам он махал правой рукой. Человек – левой. Как в зеркале. Правая поднесена к губам. Рупором.

– Стреляй! – взвизгнула Фей. Плечо его она не выпустила.

Он процедил сквозь зубы:

– Уйди, дура.

Поднял карабин. Оптический прицел давно сбит. Сделал поправку. Выстрелил.

Человек за холмом подпрыгнул, словно вдруг оказался босыми пятками на пламени. Даже, кажется, на миг завис в воздухе. Потом понял – его поддерживает нечто, ударившее в землю из разверстой груди. Упругий зеленый стебель. Стрелка.

– Мандрагор! – пробормотал он, скрипя песком на зубах. – Вот сволочь! Когда только он успел?

– Может, он откуда-то еще? Куда ты, Ян? Пускай осядут.

Стрелка рассыпалась прахом – на такыр медленно опадало зеленоватое облачко спор.

Он еще подождал, потом осторожно приблизился. То, что лежало на растрескавшейся бурой земле, уже ничем не напоминало человека. Огромный корень лежит, весь в волосках. И отростки – руки, ноги... Голова... Что-то в этом роде.

Как это у них получается? Он же видел одежду, головную косынку видел.

Запах? Запах...

– Пойдем, Ян. – Фей отбросила с лица пыльную прядку, робко посмотрела на него.

– Первое время, говорят, они были еще уродливей. – Он пнул ногой пустую, сразу как-то высохшую оболочку. – Со всем были на людей не похожи. Три ноги бывало, все такое...

Наверняка запах. Люди подпускали их к себе как раз, чтобы дать возможность спорам... укорениться.

Но они обычно... никогда не подманивали путников. Только тех, кто на месте.

Это да. Нас для них слишком мало. Они нас не чувствуют.

– Как же этот нас нашел, Ян?

Он молчал, чувствуя, как его заливают волна озноба. Похолодало, что ли?

– Пойдем, Ян. Пойдем скорее... Я хочу домой.

– Да, да – поспешно согласился он.

Он еще раз пнул ногой лежащего мандрагора. Тот не по-

шевелился. Будто так и надо.

Отстегнул от пояса флягу, протянул ей.

– На. Глотни.

Песок из бурого сделался багряным. А с неба действительно потянуло холодом.

Она задыхалась, хватая остывающий воздух ртом.

Он ей хотел сказать, чтоб она прекратила паниковать – приманит ведь мандрагора. Но не сказал – хуже будет.

* * *

...Уже когда они подошли к глинобитной ограде своего хутора, он знал... Уж очень было тихо. И калитка открыта.

Он отодвинул Фей плечом, но она все равно билась у него за спиной, о его спину, слепо и больно хватаясь руками.

Калитка открыта...

Он обернулся к ней.

– Это потому, что ты не давала ему отделиться, старая дура! – горько выкрикнул он. – Если бы он отделился!

Она прижалась к нему, дрожа всем телом.

– Но, Ян... – пробормотала она, – мы же... нас же... все равно... не было... Их же осталось так мало... так мало...

Она сползла на песок и застыла, изредка вздрагивая. Он осторожно глянул за калитку. Под отсветом багровой, распухшей, огромной луны было видно, как шевелится за оградой плотная зеленая масса.

Скоро она пустит цветочные побеги, подумал он. И отрасли мандрагоров...

Он провел рукой по лицу.

– Командир, – пробормотал он.

Острая боль резанула грудь и так же быстро ушла. Я опять ничего не чувствую, подумал он, так же нельзя. Наверное, позже. Потом...

У него за спиной тоненько скулила Фей.

Темная, почти черная в свете луны, опара зашевелилась.

– Смотри, смотри!

– Там кто-то есть!

– Мандрагор!

– Нет! – вытолкнула она вместе с горячим воздухом. – Это он! Наш мальчик!

Мандрагор, думал он, надо же, как они теперь быстро...

Он подхватил карабин. Человеческая фигура поднималась из зеленого савана.

– Наш мальчик!

– Не думай! – крикнул он не оборачиваясь. – Не смотри!

– Но это же наш мальчик! Наш сыночек!

– Мандрагор!

Темная фигура пошевелилась. Зеленые плети, обвивавшие ее руки, задрожав, опали.

– Мама!

– Боже мой, он говорит! Мандрагоры не говорят! Вроде...

Фей приникла к нему, слепо шарила по его плечам, груди.

– Он зовет меня! Зовет меня!

Потом она оттолкнула его и бросилась вперед, к калитке. Он успел ухватить ее под мышки и оттого никак не мог перехватить карабин.

– Мама!

Фей обернулась, тянулась к его лицу скрюченными пальцами, пыталась достать глаза.

– Мама!

Там никого не может быть. Он это точно знал. Никого. Они стали пищей для выюнка, перегноем, порождающим мандрагоры.

Но ведь мандрагоры никогда не разговаривали!

Имитировали жесты, походку, вернее, нет, не имитировали, заставляли людей самих приписывать родные черты гробому человеческому подобию. Впрочем... если так... почему бы им не заставлять людей не только видеть, но и слышать?

В самом деле, почему?

Он ударил ее коленом в живот, она скрючилась, и тогда он ударил ее еще раз, так, что она перестала наконец хватать его за руки, отлетела на несколько шагов, упала на песок, замерла. Не дожидаясь, пока она вновь попытается выцарапать ему глаза, Ян схватил карабин и ударил разрывной пулей в темную фигуру, которая уже освободилась от зеленых побегов и теперь шагала, шагала, шагала к нему.

В небо выбросился трепещущий зеленый столб спор.

Выбросился и повис, вращаясь в лунном свете.

Он отпрыгнул, успев в падении отшвырнуть Фей еще дальше, навалившись на нее, она дрожала так, что его руки, удерживающие ее, ходили ходуном.

Споры на миг зависли в воздухе и опали. Сколько там они живут? Краткий миг? Им нужно внедряться сразу...

Он переждал еще немного, потом встал на колени. Подал ей руку.

Фей все еще всхлипывала.

– Мальчик мой...

Горло у него болело. Саднили царапины, оставленные ее ногтями.

– Мандрагор, – хрипло сказал он.

– Но он же... разговаривал!

– Просто запах, – вздохнул он, – просто запах. Пойдем.

Они поднялись, поддерживая друг друга, и побрели прочь, оставляя позади одну на двоих цепочку темных следов. Нельзя думать, думал он. Они уже нападают на хутора... мой мальчик... Нет, не надо думать. Они это чувствуют. Не надо горевать. Но если я думаю, что не надо думать, значит, я думаю... так и так погибель. Мой мальчик... девочка моя... Надо было пойти туда к ним... У нас нет воды. Мы все равно погибнем... мы не доживем до заката... Правда, если выйдем к берегу, можно поставить ловушки. Можно попробовать дойти к тому хутору – у Косой скалы. Там как раз эта Марика. Зачем она теперь? Да и есть ли он – тот хутор? Рань-

ше они охотились за городами. Теперь – за одиночками...

...Над такыром вновь поднималось марево, призраки вставали в зыбком свете раскаленного утра. Или это у него мутилось в глазах?

Фей семенила за ним, механически переставляя ноги. За ночь она совсем поседела.

– Куда мы идем? – пробормотала она.

– Никуда.

Они охотятся на нас, думал он. Раньше каждый отдельный человек для них ничего не значил. Только сообщество. Только биомасса. Теперь они ползут на любой запах жизни. Органика. Влага. Кальций. Значит, больших городов больше не осталось, – думал он. – Нигде.

Море вставало у горизонта, точно синяя стена. В левом углу глаза он увидел вздымающиеся бурые скалы. Кивнул.

– Там...

Сморщив губы, Фей всматривалась в глинобитные стены прилепившегося к скалам крохотного поселения. Фотоэлементы развернули над ним огромные черные лепестки.

– Там кто-то есть?

Он остановил ее рукой.

– Погоди...

В бинокль было видно, что стебель гигантского цветка и впрямь зеленый. Выюнок оплел его.

– Уже никого.

Она жалобно, порывисто вздохнула, обхватив себя рука-

ми за плечи. Все еще не осознала до конца, подумал он. Не то чтобы совсем не понимает, а так... Мандрагоры чувят запах мысли, эмоциональный всплеск, гормональную бурю... Что ж, мы научились меньше чувствовать. Поколение за поколением...

Не плачь, дитяtko,
Не плачь, милое,
Мандрагор придет,
За собой уведет...

Все дело в этих солнечных вспышках, они порождают новые формы. Мандрагоры меняются. И изменяют нас.

Он вытащил из вещмешка легкие складные опоры и установил их, расправив сверху защитное полотнище. Теперь больше некому такие делать, подумал он.

– Посиди здесь.

– А... ты?

Он покосился на солнце. Оно уже начинало клониться к закату – скоро потянет с такыра холодным ветром, воздух над кромкой воды загустеет полосой тумана...

– Поставлю росяные ловушки, – пояснил он.

– Я с тобой! – тут же сказала она.

Он поглядел на ее глаза, обведенные темными кругами, на спекшиеся губы. Она уже не молода, Фей.

– Не нужно. Посиди тут. Ты же знаешь, одному безопасней.

– Ты так думаешь? – горько спросила она.

Он пожал плечами и, загребая ногами, спустился с каменной осыпи. У побережья кипел прибой.

Шел отлив.

Нужно будет успеть убрать ловушки до того, как их захлестнет приливом, подумал он, следуя вдоль береговой линии и закапывая в песок пластиковые конусы, затянутые сверху полупроницаемой мембраной. Повернулся, оглядывая свою работу – раструбы ловушек торчали из мокрого песка, как диковинные прозрачные цветы, – и вновь побрел к скалам, теперь, ближе к закату, окрашенному в цвета крови и ржавчины.

Ночью надо будет вернуться, собрать их, подумал он, а на рассвете поставить опять.

Полотнище тента переливалось волнами на ветру, но Фей под ним не было.

Он машинально схватил висящий на груди карабин и вновь выпустил так, что тот ударил его по ребрам.

– Фей!

В скалах следов не найдешь.

Красный свет лился с неба, в глазах плескались черные точки.

– Фей!

Откуда-то сверху в лощину между камнями посыпалась струйка песка.

Он вновь подхватил карабин и, держа его наперевес, осто-

рожно ступил на камень, потом на следующий, предварительно покачав его ногой. Камень держался прочно.

Оказавшись на гребне, он увидел облитый зноем женский силуэт – воздух колебался вокруг него, и оттого казалось, что фигура обведена дрожащим контуром.

– Фей! – Он так и не выпустил из рук карабин.

Она обернулась, увидев его, поднесла палец к растрескавшимся губам.

– Ты – что? – вытолкнул он пересохшим горлом.

– Тсс!

– Ты что? – повторил он шепотом. Сошла с ума? Или... Она была все в том же выгоревшем платье, а мандрагор в одежде не нуждается. Понятное дело. Но показать одежду он может... И черты лица... Это все запах...

– Фей?

– Потихе, Ян.

Может ли мандрагор говорить? Раньше он думал – нет. Но все меняется. Ее тень висела на камнях – синяя, изломанная.

– Фей...

– Да помолчи же, – выдохнула она, – слушай!

Не сводя с нее глаз и не убирая ладони с раскаленного приклада, он прислушался. Свистел, пересыпаясь, песок. Потом... Он услышал детский плач. Тонкий, залиvistый. Вот... Опять. Плач. Тихий, захлебывающийся. Словно плачущий устал.

– Кто-то выжил!

Ян покачал головой, но понял, что Фей не увидела – она напряженно вглядывалась в дрожащее марево.

Тогда он разлепил пересохшие губы.

– Мандрагор!

– Но... Ян, они же не умеют плакать!

– Им и не нужно. Это мы. Слышим то, чего нет. Запах...

– Не может быть! Слишком далеко!

– Ветер в нашу сторону.

– Я посмотрю!

– Не смей!

– Посмотрю. Ты же сам говорил – мандрагоры не охотятся за одиночками.

– Значит, уже охотятся.

Плач раздался снова. Он плыл над горячим маревом, над желтыми скалами, над пенными бурунами, набегаящими на берег, над сетями, сохнувшими на распалках...

– Кто-то выжил! – повторила Фей. Позабыв про свои страхи, он попробовал задержать ее, но она с неожиданной силой оттолкнула его и бросилась к скалам. Ян побежал за ней, придерживая ладонью хлопающий по груди карабин. Солнце било наотмашь, и пот просыхал на рубаше, оставляя соленые разводы.

– Фе-ей! Погоди!

Но она, резко вильнув вбок, скрылась за изъеденным ветрами скальным столбом. Оттуда доносился плач, трепеща на ветру. И все стихло. Плач смолк. Свистел песок, пересы-

паясь через скальные гребни. Он насторожил карабин и заглянул за уступ скалы. Фей присела на корточки перед кем-то совсем маленьким. Девочка, гадал он, разглядывая хрупкое тельце в ободранной рубаше, мальчик? Скорее, девочка. Черт, да что он гадает такое? Это вообще не ребенок. Не человек.

– Фей! Отойди!

Он прицелился в смутное пятно белой рубашки, маячившее за плечами Фей. Сейчас призрачная ткань взорвется зеленой стрелой спор, ударит в Фей, обовьет ее, внедрится под кожу, прорастет зелеными побегами... Та только покачала головой. Девочку она прижимала к себе, вжимая, втискивая в тело так, что он не мог разглядеть ее лица.

– Отойди!

– Нет!

– Фей, – сказал он, – это мандрагор.

– Нет!

– Это мандрагор...

Почему оно не взрывается? Не созрел еще? Тогда надо торопиться...

– Это девочка, Ян, она заблудилась в скалах, наверное, собирала ракушки при отливе, ты же знаешь, одной всегда было безопасно, вот ее и отправили, она и пошла себе, а потом вернулась, а их нет, она так плакала... – на одном дыхании выпалила Фей.

Над ее головой кривились и содрогались щупальца солн-

ца.

– Это она тебе сказала?

– Нет, но... как иначе?

– Она молчит, Фей. Это мандрагор.

– Но ведь мандрагоры теперь разговаривают, Ян, – тихо вздохнула она.

– Верно. Теперь уже ничего не поймешь. И все-таки, Фей, отойди.

Теперь он отчетливо различал крохотную белую ручку, цеплявшуюся за огрубевшие, распухшие пальцы Фей.

– Нет! Ян, послушай, если бы это была мандрагора, она бы давно меня убила, верно?

– Ну... может, она просто очень маленькая....

– Маленьких мандрагоров не бывает, Ян.

Да, подумал он, – Они отрываются от материнского стебля уже зрелыми. И сразу отправляются на поиски.

– Если ты ее убьешь, – сдавленным голосом произнесла Фей, – я убью себя.

Он молчал. Надо как-то отманить Фей подальше. Ну, поплачет, увидев, как бессильно хлещет в небо зеленая стрела спор. Руки на себя не наложит. Если впрямь...

А если от разрывной пули на рубашку толчком выплеснется красная кровь? Что тогда?

– Раковины собирала, говоришь? – Он окинул недоверчивым взглядом босые исцарапанные ноги. – А корзинка где?

– Но Ян, она же... вернулась в поселок, увидела... что

увидела, убежала, потеряла корзину...

– Почему ты говоришь за нее? – недовольно спросил он.

– Но она же молчит...

Она вновь втянула в себя воздух и замолчала.

Солнце, разбухшее, красное, уже висело над горизонтом, его щупальца тянулись вниз, вверх, во все стороны.

Может, и впрямь, думал он, может, уцелела. А если нет?

– Ладно, – сказал он, – идем.

И добавил сквозь зубы:

– Только держись от меня подальше.

Если девка и впрямь поддельная, то с Фей можно попроситься, думал он, по-прежнему сжимая карабин и глядя на темную от пота спину Фей, и что тогда? Зачем жить? А может... Она уже постарела, подумал он, а я еще молод. У меня могут быть еще дети. Если бы найти хоть какое поселение... Он сам устыдился этих мыслей, но они засели в голове, точно ржавый гвоздь.

В скалах уже затаилась тень. Тент все так же ходил волнами на ветру.

Он огляделся. Подходящая расселина нашлась быстро – достаточно большая, чтобы укрыться там даже втроем, и с достаточно узким входом – привалить камень, и все.

Но...

Нужно окончательно сойти с ума, чтобы запереться в такой пещере с мандрагором.

Ночевать все равно придется здесь, думал он, а завтра на-

до идти на поиски, сразу перед рассветом, хорошо бы собрать воду и пойти, пока солнце не добралось до зенита, поселений на берегу не так уж мало, хоть кто-то да уцелел. Вот только...

Кто осмелится теперь впустить чужаков?

Девочка отчаянно цеплялась за руку Фей – он видел крохотные ногти, белые от напряжения на загорелых пальцах.

Он вздохнул.

– Она хочет пить, Ян, – тут же сказала Фей.

«Откуда ты знаешь?» – хотел спросить он, но, в общем, что тут спрашивать – все хотят пить. И люди, и мандрагоры.

– Ну, так напои ее. У тебя вроде оставалась вода.

Она отчаянно затрясла головой.

– Там был всего глоток, Ян. Всего глоток.

– Ты, – он изумленно поглядел на нее, – отдала ей всю свою воду? Всю?

Фей молчала, уставив взгляд в песок. Он попытался сплюнуть, но рот пересох.

– Тогда с нее хватит.

– Но...

Фей наверняка сама хочет пить, подумал он, но отдала всю свою воду.

– Ладно, – сказал он, – но сначала – ты.

Он отстегнул флягу и бросил ей. К девочке он по-прежнему старался не подходить. Фей поймала флягу на лету. Вода звонко булькнула, потому что ее было мало.

– Сначала ты, – повторил он.

Девочка было протянула полупрозрачную ручку к фляге, но он повел в ее сторону стволом карабина, и она испуганно отпрянула. Фей поднесла флягу к губам и осторожно глотнула, стараясь, чтобы глоток был маленьким.

– Еще, – сказал он. Она покорно глотнула еще и передала флягу девочке. Та вцепилась в нее обеими руками и вопросительно взглянула на Фей, которая улыбалась и кивала.

Привалившись к скальному уступу, он наблюдал за ними.

По мере того как рушилось за горизонт багровое, разбухшее солнце, полоса тумана, клубившаяся вдалеке, подошла ближе, она шла, как сплошная стена; вода под ней вскипала невидимыми бурунами.

* * *

...Он пошевелился. Камни вдавились в спину, теперь, когда они остывали, даже сквозь рубашку чувствовалась оседающая на них влага.

Нужно собрать воду.

Фей спала, уткнувшись лицом в колени, обнимая рукой прикорнувшую к ней девочку.

Он подобрал мелкий камешек и бросил. Камешек попал Фей в плечо. Она вздрогнула и проснулась.

– Что?

– Нужно собрать ловушки, – сказал он, – иначе их затопит.

– Она заснула, Ян, – укоризненно проговорила Фей.

– Ну, так разбуди. Пойдете со мной. Впереди. И держись от меня подальше, слышишь?

– Как ты можешь, Ян? Как ты можешь?

– Хочешь остаться без воды?

Она вздохнула и тяжело поднялась. Девочка тоже вскочила, стоило лишь Фей пошевелиться, и теперь стояла, выглядывая из-за ее спины.

Полоса тумана подползла ближе и теперь кипела над кромкой воды. Скорее по звуку, чем по слабому свечению пенных гребешков, пробивающемуся сквозь туман, он понял, что идет прилив.

Он сделал неопределенное движение стволом карабина, и Фей, взяв девочку за руку, послушно прошла вперед.

Хотя и с трудом, он различал вкопанные в песок конусы росяных ловушек; насыщенный электричеством воздух испускал бледный колеблющийся свет: светилось небо, светился туман над водой, фосфоресцировали клочья пены и сквозь это мерцание двигались две смутные тени – Фей и девочки.

Он остановился у первой ловушки и осторожно извлек ее из влажного песка. На дне плескалась вода – немного, на несколько глотков... Осторожно, стараясь не потерять ни капли, он перелил ее во флягу, осторожно завинтил крышку, очистил стенки ловушки от налипшего песка и убрал ее в вещмешок. И только потом, подняв глаза, увидел, что де-

вочка присела на корточках у следующей росяной ловушки, торопливо разрыхляя песок согнутыми ладонями.

– Убери ее, – сказал он сквозь зубы.

– Но, Ян...

Фей нерешительно топталась на месте, да и сам он замер, поскольку предпринимать что-либо было бесполезно. Если попытаться отобрать у нее воду, она ее просто прольет, подумал он, а если все-таки выстрелить... Я все равно потеряю воду. А заодно и Фей.

Может, вновь шевельнулась застарелая мысль, оно и к лучшему... В росяных ловушках воды как раз на одного.

Он потряс головой, отгоняя эту мысль, девочка тем временем изумленно разглядывала конус, в котором плескалась вода, осторожно заглянула внутрь, окунула в воду палец, вытащила, оближала...

– Она что, никогда не видела росяных ловушек? – спросил он.

– Забыла, наверное, – неуверенно ответила Фей.

– Этого не может быть.

Он на миг потерял бдительность, и, когда спохватился, отскочил, но девочка уже вприпрыжку подбежала к нему, держа в ладонях ловушку с плещущейся внутри водой.

– Отойди, – хрипло сказал он, а она тем временем протягивала, протягивала ему воду, искательно и осторожно заглядывая в глаза.

– Ян!!! – умоляюще крикнула Фей, но девочка даже не

обернулась, а продолжала смотреть на него с робкой, чуть виноватой улыбкой, почему-то так напомнившей ему улыбку юной еще Фей.

Пересилив себя, стиснув зубы, он осторожно вытянул руку и взял у нее из некрепко сомкнутых ладоней водяной конус. Он видел нанесенные на его внутреннюю поверхность риски – воды там оставалось ровно столько, сколько и было. Она не отпила ни капли.

– Хорошо, – сказал он, с трудом выталкивая слова, – хорошо. Иди.

И, отступив на шаг, начал сосредоточенно переливать воду из конуса во флягу, тем временем как девочка все той же радостной пробежкой бросилась к следующей ловушке, видимой издалека потому, что песок, окружавший ее, был чуть светлее остального.

Он вновь аккуратно отряхнул пластиковый конус, вложил его в тот, первый, и убрал в вещмешок.

– Ладно, – вздохнул он, обращаясь к Фей, которая, сложив руки под грудью, беспокойно переводила взгляд с него на смутно мелькающий в тумане детский силуэт, – последи за ней. Еще оступится ненароком...

...Нужно будет перед рассветом вновь поставить ловушки, думал он, возвращаясь к скалам и видя перед собой две удаляющиеся спины – одну большую, другую маленькую, – на трех человек этого не хватит, а завтра надо решать, что делать дальше, с Фей что возьмешь, она стала совсем слаба

на голову, значит, придется ему... Можно, конечно, остаться тут, на побережье, хотя эта пакость уже и сюда добралась, но если все время оставаться втроем, друг у друга на виду, ни на миг не выпускать из поля зрения, тогда, может, и удастся уберечься. Опять же, во время отлива можно собирать раковины, а значит, с голоду они не помрут. Хотя нет, оставаться нельзя, там, у Кривой скалы, уже наверняка отделились мандрагоры и скоро выйдут на охоту. По крайней мере это значит, что никого нельзя подпускать ближе, чем на выстрел, потому что, кто бы ни появился, это наверняка будет не человек... А кто-то еще уцелел и будет думать точно так же? Так мы скоро сами перебьем друг друга, думал он, никому нельзя доверять, они уже слишком многому от нас научились... Как теперь отличишь мандрагор от человека? Только по тому, как он умирает под пулями...

Это было совсем маленькое поселение, думал он, наверняка и мандрагор вылупились единицы. Если переждать несколько дней... Может, они разбредутся на поиски в разные стороны, а нас оставят в покое?

Он споткнулся о крохотный камень, некстати подвернувшийся под ноги, в глазах была резь, сначала он решил, что это вездесущий песок, но потом понял, что просто-напросто хочет спать. Всего пару часов, уговаривал он себя, а на рассвете снова придется вставать, чтобы расставить ловушки, тогда у нас будет вода на целый день, немного, правда, но ничего, продержимся, я попрошу Фей подежурить, ради

безопасности этой соплишки она глаз не сомкнет, а потом я ее сменю. Только надо заставить их все-таки рассестись по-дальше друг от друга, ничего с девкой не случится, потерпит, да и Фей тоже, это даже лучше, она с девчонки глаз не сведет... как спать-то хочется, наверное, это реакция... никогда про такое раньше не слышал, но, наверное, это реакция...

* * *

...Истошный крик выбросил его из забытья. Какой-то миг понадобился ему на то, чтобы осознать: он сидит, привалившись к камню у входа в пещерку, спину ломит от неудобной позы, шея затекла от веса карабина, который он так и не решился отложить в сторону. Как он умудрился заснуть? Он даже не помнил, как они добрались до скал...

Девочка сидела совсем рядом, привалившись к боку Фей – тьфу ты, пакость! И орала. Так орала, что у него заныли зубы. Фей, тоже было прикорнувшая – оба хороши! – теперь хлопала глазами, пытаясь сообразить, что происходит.

– Уйми ты ее! – сказал он сквозь зубы, вставая и осторожно поворачивая голову из стороны в сторону, чтобы размять затекшую спину.

Фей наклонилась к уху девочки, что-то забормотала, но та продолжала орать, тем временем как он, подхватив карабин, отбежал на безопасное расстояние.

Что это на нее нашло? Они что, всегда так?

Девчонка не унималась. Ему казалось, что на бледном личике остался один лишь распыленный рот.

– Да заткни же ей пасть!

Вопль сверлил уши.

– Ян, – понял он по губам Фей.

И в свете мерцающего ночного неба увидел – крохотная ручка вытянута в направлении соседней гряды, растопыренные пальцы дрожат.

– Там что, кто-то есть?

Он тер глаза, саднящие песком, который на самом деле не был песком, а всего лишь застарелой усталостью, и пытался разглядеть что-то сквозь алые и черные пятна, плавающие перед глазами яблоками. Казалось ему или нет, что там, около гряды, шевелятся черные смутные силуэты?

Трое... Три мандрагора. По одному на каждого.

Или... быть может, это люди, подумал он, такие же бедолаги, как мы – натолкнулись вот на нас и теперь гадают, что делать, – хочется и колется.

Как теперь различить?

– Эй! – нерешительно крикнул он, сжимая карабин.

– Э-эй, – откликнулось эхо.

– Э-эй, – крикнул в ответ чужой голос.

Мандрагоры не разговаривают? Уже разговаривают, – печально подумал он, – может, раз они научились, нам надо перестать? Как вот эта девчонка. Ну и орет же она!

Он машинально погладил ладонью приклад карабина.

– Стоять на месте! – крикнул он. – Иначе – стреляю.

– Да ты что, мужик, – донеслось из тьмы, – с ума сошел?

Это не люди, думал он, не может быть. Тут, кроме нас, нет людей. Только мандрагоры...

– Не подходи!

– Да мы пришли сети проверить, дурень, – сказал голос из тьмы, – прилив-то сходит.

А вдруг все-таки люди, думал он, вот было бы хорошо... Нет, теперь нельзя вместе, нужно поодиночке, вместе никто не выживет, пятеро, шестеро – уже много.

– Откуда вы? – крикнул он в колеблющийся воздух.

– Да тут неподалеку. А вы?

– Тоже.

Он помолчал, раздумывая, потом сказал:

– Все равно. Не подходи. И не кричи так – приманишь. Пойдешь обратно – иди выше кромки прилива. Мы, если что, выйдем по следам.

– А если ты – мандрагор? Пойдешь за нами, а мы выведем тебя прямо к поселку, так получается?

– Ну, так какого тогда ты вообще со мной разговаривал? Иди себе откуда пришел...

– Да я...

Девочка вновь завизжала, голос из тьмы потонул в этом крике. Он почувствовал, что теряет остатки рассудка. И тут увидел темный силуэт совсем близко. За камнями. Он вырос внезапно и теперь покачивался в слабо светящемся воздухе.

Значит, подумал он, пока один меня отвлекал... Что же это делается!

– Ян! – К воплю девочки прибавился пронзительный крик Фей.

Он обернулся и навскидку, не целясь, выстрелил, ощущая, как бьет в плечо приклад. Темная фигура вздрогнула, заколебалась, ее окутало облачко тумана – он угодил в спорангий. Он упал за обломок скалы, недостижимый для оседающих спор, потом, уже оттуда, лежа, выстрелил вновь – на голос. И еще раз – на слабый шорох в камнях. Едкий, пронзительный вой оборвался почти сразу, но ему казалось, что он все еще звенит в ушах.

Потому что наступила тишина. Он поднялся, выплевывая песок, и осторожно выглянул из-за скалы. Поднимался ветер. Слышно было, как тоненько свистит песок, пересыпаясь в расщелинах. Он откашлялся.

– Мандрагоры, – хрипло сказал он, – всего-навсего мандрагоры...

– Ян... – всхлипнула Фей.

– Ты как?

Она не ответила, но он видел, как она поднимается на колени, все еще прижимая к себе девочку – падая, Фей закрыла ее своим телом.

Глупость, подумал он, упади на нее споры, это не помогло бы.

Он вздохнул.

– Вот оно, значит, как, – сказал он в темноту. Он чувствовал, что у него трясется нижняя губа, прикусил ее, попытался поправить ремень карабина и понял, что руки тоже трясутся.

– Как мы ее назовем, Ян?

– Что?

– Ну, как-то же надо...

– Да как хочешь...

– Если бы не она...

– Да.

Он неопределенно повел плечом, потом понял, что Фей его не видит.

– Идите... Идите в пещеру. Если завалить камнем... тогда до нас никто не доберется. Никто.

– А... утром?

– Утром посмотрим.

Он сидел, привалившись к стене расщелины, глядя во мрак. Нужно посмотреть те сети, думал он, наверняка что-то занесло туда при отливе. И наладить коптильню. Вон сколько водорослей вдоль кромки. Если их высушить... Горят они паршиво, но все же горят, а из самых мягких можно сделать что-то вроде матраса. И выпарить соль из морской воды, и поставить росяные ловушки, а там, дальше... там посмотрим...

Он закрыл глаза и впервые с прошлой ночи почувствовал, как текут по щекам слезы, смывая жжение под веками, как

тупая боль, засевшая в груди, становится сначала острой, почти невыносимой, а потом ослабевает, растворяется, растворяется, уходит...

Теплая ручка скользнула ему в руку. Он сжал ее отчаянным, судорожным движением, порывисто вздохнул и провалился в небытие.

* * *

Я еще маленькая. Я нашла своих маму и папу. Они меня любят. И дают мне воды. И я буду жить с ними, и не умру от жажды. Воды ведь совсем нету. Я искала... Так одиноко скитаться по берегу одной. А папа умный. Он умеет добывать воду из таких штук, которые он закапывает в песок. Они сначала пустые, а потом там появляется вода. Я не знаю, как это получается. Я буду жить с ними, и они будут давать мне воду, и я буду расти.

А потом, совсем скоро, когда я стану большая, я спою маме песню, и она сделает что-то такое, от чего мы останемся совсем одни, но зато у меня появится еда. Потому что я расту. Мне нужно есть. А потом я совсем вырасту и останусь совсем одна, но это уже неважно, потому что я буду меняться, я оплету маму нежно-нежно, и она станет частью меня. Но я думаю, она не будет против. Потому что я ее люблю.

Никто чужой не отберет у меня мою воду.

Интересно, как это так получается, что воды в этих штуках сначала совсем нет, а потом она появляется? Надо об этом хорошенько подумать...

*** * ***

Самое страшное не в том, что они меняются. Самое страшное в том, что не меняемся мы.

Вот в этом-то все и дело.

Контрабандисты

*По рыбам, по звездам проносит шаланду
Три грека в Одессу везут контрабанду...
Чтоб звезды обрызгали грудь наживы, —
Коньяк, чулки, презервативы...*

Эдуард Багрицкий.

Молодой Янис нервничал. Шаланду сильно болтало на мелкой паскудной волне, вдобавок сгустился туман. Свет носового фонаря «Ласточки» был обернут туманом, как ватой. Потом папа Сатырос задул фонарь. Слышен был только плеск волн, разбивавшихся о наветренный борт шаланды. А вот уключины не скрипели. Уключины были обернуты тряпками.

Янис еще не привык к тому, что туман — это хорошо.

Янис был в деле недавно. Его взяли, потому что деваться было некуда. Прошлой весной он, проходя по своим делам мимо белого домика на лимане, увидел смуглое бедро Зои, единственной Сатыросовой дочки. Зоя развешивала во дворе белье. Зоя тоже увидела Яниса, белозубого, загорелого, идущего по своим делам.

К осени Янис заслал сваху, усатую старуху гречанку, и мадам Сатырос, поплакав отнюдь не для порядка (она присмотрела Зое гораздо более выгодную партию), уступила. А куда деваться? Живот Зои к этому времени заметно округлился.

Теперь Янис сидел на веслах, а Ставрос – на руле. Янис Ставроса побаивался. Ставрос был мрачный, заросший черным волосом, кривоногий, коротконогий. И папа Сатырос был мрачный, заросший черным волосом, кривоногий, коротконогий. Даже странно, что в семье кривоногих, коротконогих, заросших черным волосом людей получилась такая красивая Зоя.

Самое обидное, думал Янис, что их с Зоей сын удался в Сатыросов. Он даже родился покрытый каким-то темным пухом, весь, с головы до ног.

– Янис, – прошипел Ставрос, приложив тяжелую узловатую ладонь к уху наподобие слуховой трубы, – суши весла, кому говорят!

Янис послушно поднял весла.

– Ну? – спросил папа Сатырос, который был глуховат.

– Таки ничего, – сказал Ставрос. – Янис, греби дальше.

Янис послушно опустил весла и сделал сильный гребок. Мышцы на его спине красиво напряглись. Янис любил свое тело, свои красивые мышцы, белые свои зубы и черные усы. Он любил себя весело и легко, потому что знал, что его красота доставляет удовольствие – и Зое, и прачке Медее, обстирывавшей рыболовную артель на Лимане, и темнокудрой Рахили, пасшей своих козочек на выжженных жарой склонах. Он любил сам смотреть на себя в мутное бритвенное зеркальце и все старался повернуться к себе в профиль, потому что в профиль он был особенно красив. Жаль только,

что сын пошел в Сатыросов.

Темная громада фелуки встала перед ними неожиданно; Янис чуть не врезался в борт, сидящий на руле Ставрос ловко вывернулся, и шаланда подошла к фелуке впритирку. Фелука стояла темная, со спущенными парусами, на борту не горело ни одного огня.

– Спят они там, что ли? – пробормотал папа Сатырос.

Вода билась о борт фелуки, мачты терялись в тумане.

– Это точно «Яффо»? – спросил Янис.

– Нет, – злобно сказал папа Сатырос, – это «Летучий голландец». Видишь огни на мачтах?

– Типун вам, папаша, на язык, – флегматично заметил Ставрос.

Шаланда болталась на воде, норовя врезаться в фелуку носом. Янис опустил в воду одно весло и принялся табанить. Какое-то время ничего не происходило.

– Крикнуть? – с надеждой спросил Янис, которому надоело.

– Я тебе крикну! – прошипел сквозь зубы папа Сатырос и тут же приложил рупором руки к усам и крикнул:

– Эй, на фелуке!

– А-а! – откликнулись сверху. Остальные звуки съел туман.

– Спите, что ли? – воззвал Сатырос наверх. – Эй! Эфендим!

– О-уу! – откликнулись сверху.

Темный человек, перегнувшись с темного борта фелуки, протянул темный тук. Папа Сатырос осторожно, как ребенка, принял его и уложил под скамью. Полдюжины тюков плотно легли на дно шаланды.

Фелука качнулась на воде, взвились треугольные паруса.

– Пошла, красавица, – крикнул папа Сатырос. – Эй, там, на фелуке! Хошчакалын, что ли!

– Оу-а! – отозвались на фелуке.

– Ставь парус, Янис, черт ленивый, – заорал папа Сатырос. Янис торопливо потянул шкот. Шаланда, лихо накренившись, пошла под парусом. Янис, нещадно третируемый семейством Сатыросов, на самом деле был отменным мореходом, и «Ласточка» легко неслась по волнам, оправдывая свое название.

– Они слева! – закричал Ставрос. Звуки мотора пограничного баркаса доносились как-то урывками, словно туман пережевывал их.

– Эх, не выдай, родная! – Сатырос отодвинул сына и сам сел на руль.

Ставрос, присев на корме, широко расставив руки и оперев локти о фальшборт, целился в темноту из нагана. Фонарь патруля тусклым пятном мелькал во тьме, «Ласточка» взлетала на волне и вновь опускалась, брызги летели в греческие лица, и звуки чужого мотора, вернее, обрывки их, доносимые ветром, затихали вдали. Янис убрал парус, а Сатырос вновь уступил место на руле сыну.

– Всё, – сказал Сатырос, раздувая усы. Вон ту акацию на обрыве различаешь? Держи на нее, там пещера в скале.

– Мне ли не знать, папаша? – лениво ответил Ставрос.

Звуки пограничного мотора привели его в веселую ярость, и сейчас казалось, что в его черных густых волосах трещит атмосферное электричество. Шаланда, убрав киль, скользнула в укромную бухту, и Янис, как самый бесправный член команды, спрыгнул в воду и принял груз на руки.

– Положь там за камни и давай обратно, – велел Сатырос, ласково похлопывая «Ласточку» ладонью по борту.

Над обрывом уже стояла телега, сонная лошаденка кивала головой, и деловитые люди господина Рубинчика спускались по обрыву, прижимая шляпы рукой, чтобы не снесло ветром.

– Ну, как? – крикнул один.

– В лучшем виде, – ответил папа Сатырос и закурил самокрутку. – Господин Рубинчик таки будет доволен.

* * *

Южное солнце нещадно палило горячие головы биндюжников, но они продолжали нехитрый обед, макая булку в оливковое масло и заедая греческими маслинами. Рядом огромные мохнатые битюги сонно переминались с ноги на ногу; вот их-то головы заботливо прикрывали соломенные шляпы со специально проделанными дырками для ушей.

Пахло дегтем, разогретыми досками, лошадьми и сухими водорослями.

– Сатырос, люди кажутъ, пограничный катер вчера таки висел у вас на хвосте? – спросил Мотя Резник, макая краюху хлеба в золотое оливковое масло.

– Еще ни один урод, – сказал Сатырос, – не открутил «Ласточке» ее хвоста. Ну, сходили, ну вернулись...

– И хорошо сходили?

– Господин Рубинчик будет доволен, – коротко ответил Сатырос.

– Слышал за Гришу Маленького? Он таки взял мыловаренный завод на Генцлера. Унес товару на четыреста миллионов рублей. А заодно совершенно случайно изнасиловал счетовода гражданку Розенберг.

– Что такое в наше время четыреста миллионов? – флегматично спросил Сатырос и отхлебнул из кружки.

– Оперуполномоченный товарищ Орлов поклялся, что не успокоится, пока не возьмет Гришу Маленького, – сказал Мотя Резник.

– Круто берет новая власть, – согласился Сатырос.

Разговор затих сам собой, слышно было, как мелкие волны лениво плескались о сваи.

– Гляди-гляди, – сказал Мотя, – этот ффраер, Яшка Шифман, идет.

Яшка Шифман шел по пирсу, брезгливо отшвыривая носком лакированного штиблета гнилых мидий, выброшенных

сюда позавчерашним штормом.

– Привет почтенному собранию, – сказал он, приподнимая канотье.

– Будь здоров, – лениво ответили биндюжники.

– Папа, – сказал Яшка, оборотясь к Сатыросу, – вас баснословно хочет видеть господин Рубинчик.

– И что от меня нужно господину Рубинчику? – поинтересовался грек.

– А это вам скажет сам господин Рубинчик, папа. Он чеканит на вас у «Гамбринусе». Дуже нервный он сегодня, господин Рубинчик. Нерадостный.

– Скажи господину Рубинчику, папа будет, – сказал Сатырос и закусил маслиной.

Яшка еще раз приподнял канотье и пошел прочь, по пирсу.

– Не те маслины нынче пошли, – сокрушенно сказал Сатырос, – вот до войны были маслины так маслины, не поверите, Мотя, с вот этот мой палец!

* * *

Господин Рубинчик сидел за отдельным столиком в «Гамбринусе» и кушал жареную скумбрию. Папа Сатырос прошел между столиками, отодвинул стул и сел рядом с господином Рубинчиком.

– Вы позволите? – спросил он для порядка.

– Позволяю, – коротко ответил господин Рубинчик и промокнул салфеткой усики.

Папа Сатырос велел принести себе пива и сидел в ожидании, положив на скатерть огромные черные руки. Половой принес пиво в огромной кружке, шапка пены переваливалась через край.

– Ваше здоровье, – сказал папа Сатырос и нежно подул на пену.

– Как ваше почтенное семейство? – вежливо спросил господин Рубинчик.

– Благодарствую. Все здоровы, тьфу-тьфу-тьфу. А как Эмилия Иосифовна?

– Мигрени, все мигрени, – с отвращением произнес господин Рубинчик. – К делу, папа. Как сходили?

– Таки неплохо, – солидно произнес папа Сатырос. – Все приняли, все сдали.

– Что сдали? – холодно поинтересовался господин Рубинчик, играя рукояткой трости.

– А то и как будто не знаете, господин Рубинчик. – Папа почуял недоброе. – Только вот этого не надо. Ваш человечек принял, я сам видел...

Господин Рубинчик медленно поднялся и стал страшен.

– Что ты привез? – спросил он тихим вежливым голосом. – Что ты мне привез? Где товар?

В подвале под лавкой господина Рубинчика стоял густой дух оливкового масла и чая. За бочками, бутылками и ящиками лежали распотрошенные тюки; на холодном цементном полу рассыпались тяжелые фолианты с порыжевшими, изъеденными временем страницами, рулоны пергамента, папирусные свитки и даже одна каменная скрижаль с выбитыми на ней жуками и скорпионами – счесть это буквами папа Сатырос в здравом уме не решился бы.

– Это? – холодея, произнес папа. – Товар? Господин Рубинчик, Христом Богом...

– А кто это привез, по-вашему? Вот эту пыль веков?

– Приняли, разгрузились, – бормотал папа Сатырос, – ваши люди сами...

– И вот это приняли. – Господин Рубинчик поворошил тростью пергаменты; взлетело облачко бурой пыли. – И вот это... И вот, жемчужина, можно сказать, всей этой коллекции.

Он дотронулся тростью до чего-то, завернутого в тусклый кусок золотой парчи. Парча сползла.

– Святая Богородица, – сказал папа.

На него сверкающими глазницами смотрел человеческий череп. Папа Сатырос успел подумать, что с черепом не все в порядке, и только чуть позже сообразил, что именно. Череп

просвечивал. В глазницах парно отражалась тускло освещающая подвал лампа.

– Каменюка, – сказал господин Рубинчик, – или стекляшка. У, зараза! – Он погрозил черепу тростью. Череп равнодушно таращился на него.

– Может, это какая драгоценность? – робко выказал надежду грозный папа Сатырос. – Сокровище? Ишь, вылупился, подлюка.

– С тех пор как эти аферисты, братья Гохманы, подделали корону скифских царей, в мире не осталось ничего драгоценного, – холодно сказал господин Рубинчик, играя тростью. – Где товар, гадюка подколотная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.